КРОКОДИЛ



Серенький козлик:—Братцы волки, взяли-то на троих, а чем будем закусывать?

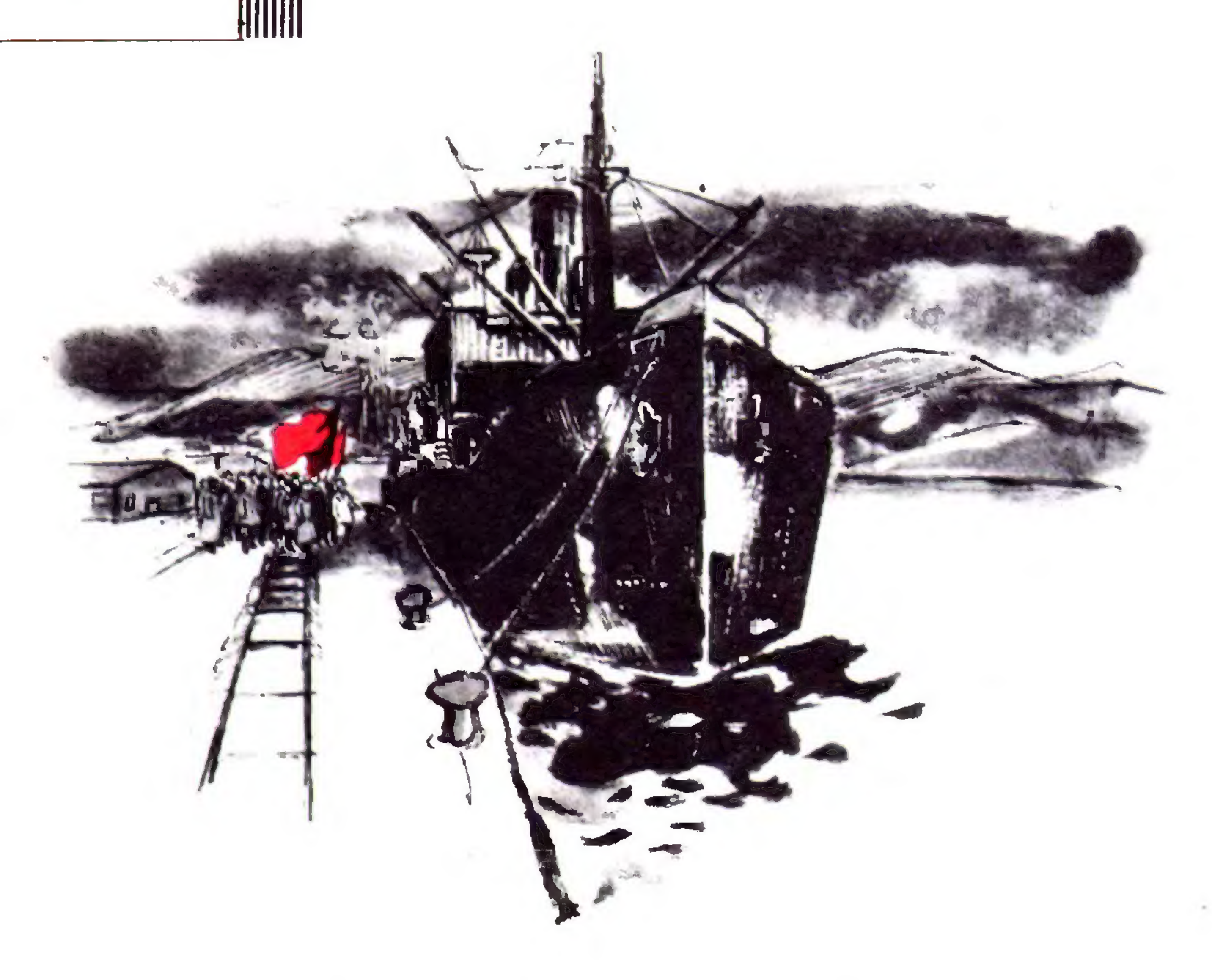
Рисунок А. КАНЕВСКОГО

1970
АПРЕЛЬ
22
СРЕДА
1870 — Родился Владимир Ильич ЛЕНИН

Руслан КИРЕЕВ специальный корреспондент Крокодила

Рисунки Курта КЛАМАННА (ГДР)

NOWOROSSIJSK - 1924 NOWOROSSIJSK - 1968



В Новороссийском порту 22 января 1924 года.

Иностранец Курт Кламанн взялся показать мне русский город Новороссийск.

— Icb kenne die Stadt, wie meine Westentasche.

Это означало, что он знает Новороссийск, как свои пять пальцев. Заинтригованный, я отправился за билетами. На другой день фирменный поезд «Кубань» мчал нас в сторону знаменитой Цемесской бухты.

Иностранец Курт Кламанн был человеком общительным. Быстро перезнакомился он с проводниками и соседями по купе. Он не знал русского, ио это не мешало ему изъясняться о всяких тонкостях. При этом он использовал в пояснительных целях рисунки фломастером. Иностранец Курт Кламанн был художником. Тем самым художником Кламанном, которого знают и любят во многих странах. Я уж не говорю о том, что в ГДР, где он живет и работает, его знает каждый.

Сосед по купе оказался человеком любознательным.

— Вы едете с этим иностранным товарищем в качестве гида? — поинтересовался он.

— Нет,— ответил я.— В качестве моего гида как раз едет этот иностранный товарищ.

Любознательный человек смотрел на нас с ярко выраженным недоумением.

— Но откуда он знает Новороссийск?

Вопрос перевели. Кламанн оживился, достал из пластмассового стаканчика бумажную салфетку и нарисовал море. Потом он нарисовал горы и несколько кораблей. На борту одного из них он вывел название «Ilona Siemers». Несколько штрихов — и на палубе появился человек. Кламанн ткнул в него обратной стороной фломастера. Затем показал на себя и радостно произнес: «Ich!» Все поняли, что человек на палубе — это художник Курт Кламанн. Но это было не так. Человек на палубе действительно был Куртом Кламанiом, но не художником, а моряком.

Итак, моряк Курт Кламанн прибыл в Новороссийск на торговом судне «Ilona Siemers». Ему было семнадцать лет, он был высок и красив, и девушки многих портов мира бросали на него пристальные взгляды.

Во многих портах мира сходил на берег моряк Курт Кламанн. Гордо шествовал он по приморской улице до ближайшего кабака. А утром возвращался на корабль без гроша в кармане и с головой, которая гудела, как пароходная топка. Та самая топка, в которую он должен был перекидать за вахту восемь тонн угля.

Все кабаки порта и портовые девушки были неразличимо похожи друг на друга. Жизнь делилась на две неравные части: изнурительная работа и пьяный угар. А что, разве может быть еще что-либо? Солнце светило для других, а он, Курт Кламанн, родился на свет, чтобы бросать в топку уголь. К тому моменту, когда «Ilona Siemers» вошла в Новороссийский порт, кочегар Курт хорошо уяснил себе это.

Курт швырнул в топку последнюю лопату угля и, вытерев со лба пот, тяжело поднялся на палубу. Что за город ждет их? Много ли там кабаков и девушек?

Зимний день был сер и холоден. Серое небо, серые горы, серая вода. Так вот она, Россия! От кого-то он слыхал, что в этой далекой восточной стране произошли недавно грозные события. Кажется, они называются революцией. Впрочем, к нему, Курту Кламанну, события эти не имеют никакого отношения. Была б дешевая водка.

Но почему так тих и безлюден город? Почему не гудят пароходы, не снуют грузовики? Почему приспущены флаги? Может, сегодня у русских религиозный праздник?

Он попытался вспомнить, какое сегодня число. Но разве вспомнишь! Все дни одинаковы, попробуй различи их!

Позже он узнал, какое было число, когда вошли они в Цемесскую бухту. Этот день он запомнил на всю жизнь. 22 января 1924 года.

Курт Кламанн вглядывался в берег. И вдруг заметил, что к пирсу приближается небольшая группа людей. Они подошли к самому судну, один из них, в кожанке, выступил вперед и громко произнес на немецком языке:

— Вчера умер наш Ленин.

Курт вопросительно посмотрел на своего друга Томаса. Томас вопросительно посмотрел на Курта. Оба пожали плечами. Зачем они сообщают им, что кто-то умер? Пусть умирают короли и министры, маршалы и адмиралы. Какое до этого дело немецким матросам?

— Пойдемте с нами,—продолжал человек в кожанке,— мы вам расскажем, кто такой Ленин.

«К кому они обращаются?» — подумал Курт Кламанн и посмотрел назад. Томас тоже посмотрел назад. Сзади никого не было. Интересно, кого они приглашают? Они что, не видят, что перед ними простые матросы? Курт Кламанн усмехнулся и показал руки. Ладони были черными от угля.

Тогда люди внизу тоже показали руки. Кламанн сразу узнал их — это были руки рабочих. Но зачем эти рабочие пришли сюда? Куда они зовут их? Почему они так печалятся о человеке по имени Ленин? Неужто он всем им родственник?

А тем временем несколько матросов — те, что посмелее,— спускались вниз. Курт тоже двинулся к трапу. Чем в конце концов они рискуют?

Молча вели их по траурной улице. Но в каждом жесте, каждом взгляде людей чувствовалось уважительное отношение к немецким морякам. А немецкие моряки были настороженны и хмуры. Человека всегда пугает незнакомое.

Курт Кламанн еще не знал, кто такой человек по имени Ленин. Но Курт Кламанн уже чувствовал, что с человеком по имени Ленин связаны доброта и доверие русского рабочего к рабочему немецкому.

А дальше произошло нечто невероятное. Если б их завели за угол и устроили потасовку, ничего необычного в этом не было бы. Мало ли загадочных историй случается в портовых городах!

Невероятное произошло в клубе, куда их привели. Здесь было полно народу, но их пропустили к самой сцене. Перед немецким кочегаром расступились люди! Немецкий кочегар стоял впереди всех! Потихоньку ущипнул он себя за руку. Какой удивительный сон ему снится!



В 1924 году рабочие цементного завода подарили мне на память живого Мишку.

На сцене висел портрет человека с чуть прищуренными глазами. Рамка была обвита черными и красными лентами...

Сорок четыре года спустя на этом самом месте у сцены стоял высокий человек с седой непокрытой головой. Это был немецкий художник Кламанн. Неотрывным взглядом смотрел он на сцену. Там не было портрета Ленина, но художник Кламанн видел портрет. Притихли на своих местах парни из самодеятельности: мы пришли в разгар репетиции. С любопытством глядели они на импозантного иностранца. А импозантный иностранец вдруг подошел к ним и каждому горячо пожал руку. Ребята робко улыбнулись в ответ, но в улыбках их сквозило недоумение: ах, и чудаки же эти иностранцы!

Но это было сорок четыре года спустя. Двадцатитрехлетние парни казались художнику Кламанну совсем юными людьми. А тогда, в двадцать четвертом году, он смотрел на двадцатитрехлетних рабочих, как на очень взрослых мужчин. Они многое знали. Они знали, кто такой Ленин. С небольшой сцены Клуба портовиков впервые услышал тогда юноша Курт о революции, о власти рабочих, о дружбе бедных людей всех стран. Так вот почему смерть человека по имени Ленин была одинаковым горем для всех этих людей! Человек по имени Ленин желал одинакового счастья всем людям. И ему, кочегару Курту, тоже. Ради этого он жил.

После митинга русские рабочие подошли к немецким морякам и стали приглашать их в гости.

Я представляю, товарищ Курт, как высоко поднялись брови вашего капитана, когда вы с друзьями возвратились на судно. Он не верил своим глазам: матросы были трезвы, как стеклышко, и о чем-то напряженно размышляли. Капитан морщился: все это не нравилось ему. Матросы должны не размышлять, а работать.

А на следующий день семнадцатилетний Курт Кламанн шагал в траурном шествии по улицам Новороссийска. И ему вовсе не казалось странным, что он, немецкий кочегар, скорбит по русскому человеку, о котором еще сутки назад не слышал ни слова. Ведь благодаря этому человеку он понял, что родился не только затем, чтобы перекидывать уголь.

Курта и его товарищей пригласили на цементный завод. Курт шел туда неохотно: его страшила встреча с хозяином завода. Хозяева — они везде одинаковы. Не вытолкают ли его в три шеи? Очень им интересно видеть у себя голодранца!

Курт косился на рабочих. Те держали себя так уверенно, словно плевать им на хозяина, словно хозяевами были они сами. Они говорили: мы сделаем, мы построим, мы расширим. Они гордились новыми цехами и работающими машинами, будто это были их цеха и их машины. Курт Кламанн иедоумевал.

— А где хозяин? — не выдержав, спросил он.

— Да, да, где хозяин? — тотчас подхватил матрос Генрих.

Ах, этот Генрих! Он всегда отличался хитростью. Нет, чтобы спросить первым.

Переводчик никак не мог понять, что от него хотят. Курт развел руками, показывая вокруг.

— Кто хозяин этого завода?

— Хозяин? Вот они.

— Это рабочие.

— Они же и хозяева.

— Такого не может быть! — рассердился Курт Кламанн. Они что, смеются над ним? Они что, считают его ребенком?

— Такого не может быть! — рассердились следом Генрих и Томас.

Рабочие не сердились, а принялись терпеливо объяснять, что они рабочие и хозяева одновременно. Курт на всякий случай кивал, а сам все пытался понять, кто эти люди в действительности — рабочие или хозяева? Если они хозяева, то почему они работают? Если они рабочие, то где тогда хозяева? И тут вновь появился Ленин. О нем говорили, как о живом, его словами объясняли, почему рабочие стали хозяевами и как это произошло.

Минуло сорок четыре года. Художник Курт Кламанн видел мощные новороссийские заводы и ни разу не спросил, кому они принадлежат. Художник Курт Кламанн объехал на катере все новороссийские гавани и даже, представьте, не поинтересовался, кто хозяин этого крупнейшего на Черном море порта.

Охотно знакомился он с работой грузчиков. До сих пор помнилось ему, как таскал он на себе металлолом, который привезли они на своем судне. Не забылась и тяжесть набитых семенами подсолнуха мешков, что увозили они из России. Стране, только-только встающей на ноги, позарез нужен был металл. За металл отдавали семечки— одно из немногих тогдашних богатств молодой республики.

Теперь из Новороссийска вывозят высококачественное растительное масло. Теперь из Новороссийска вывозят горы металлолома. Грузят его гигантскими кранами. Командиры этих кранов — нынешние грузчики — ходят в нейлоновых рубашках и занимаются по утрам гантельной гимнастикой. Что делать — организму нужна физическая нагрузка...

...Не раз еще удивленно взлетали брови у немецкого капитана. Что происходит с его командой? Матросы трезвы и серьезны, в их движениях сквозит чувство собственного достоинства. Надо скорей сниматься отсюда! Загадочная, опасная страна — Россия!

Однажды Курт вернулся на судно особенно сосредоточенным. Правую руку он не вынимал из кармана. Несколько других матросов тоже держали руки в карманах. «Дело швах»,— подумал капитан.



1968 год. Я спрашиваю девушек, где же теперь деревня Станичка.

— Что там у тебя? — крикнул он Кламанну, стараясь не подходить слишком близко.

Курт молча вытащил руку, разжал пальцы. На темной ладони светлел четырехугольник плохонькой бумаги. Это был билет в театр — первый театральный билет в жизни Курта Кламанна. Его дали русские рабочие.

1968 год. Опять перед Клубом портовиков.

Вечером он смотрел спектакль. Он не знал языка, но ему было понятно, что пьеса рассказывает о заводе, о цементе, о рабочих. Он вглядывался в сцену со скудными декорациями, и незнакомое томление поднималось в его груди. Много дней спустя он осознал его: это было желание рисовать.

Но вот трюмы были набиты грузом, настал день отплытия. Накануне Курту подарили медвежонка.

— Мишка! — повторял Курт русское слово и гладил притихшего на руках зверька.— Мишка!

Провожая моряков, рабочие просили рассказывать в Германии об их революции, об их городе, об их Ленине.

Медленно отплывала «Ilona Siemers». Была по-прежнему зима, но вода не казалась такой серой и холодной, как три недели назад. Русские рабочие на пирсе и немецкие матросы на палубе пели «Интернационал».

Многие порты мира повидал моряк Кламанн. Все они были одинаково равнодушны к нему, и ни в один из них не хотелось возвращаться. А в Новороссийске он мечтал побывать снова всю жизнь. Этот город, который он увидел в скорби и трауре, властно изменил его судьбу. То, о чем говорил Ленин, имело значение не только для русских — Курт Кламанн хорошо понял это. Но за новую жизнь нужно было бороться, как боролись русские люди. Через два года — 26 марта 1926 года — Курт Кламанн вступил в Коммунистическую партию Германии. Теперь уже он рассказывал своим немецким друзьям, кто такой Ленин и как можно самим стать хозяевами жизни.

Мечта сбылась: через 44 года Курт снова в Новороссийске. Он приехал сюда в несколько необычной роли — в роли гида советского журналиста.

Прежде всего он повел меня в Станичку — так называлась окраина тогдашнего Новороссийска. Теперь здесь высились многоэтажные дома. Гид растерянно глядел по сторонам.

После этого мы отправились на старый базар есть жареную ставриду. Сколько говорил о ней Курт! Однако базара не было. На его месте раскинулась площадь Героев. Горел вечный огонь, звучала мелодия Шостаковича.

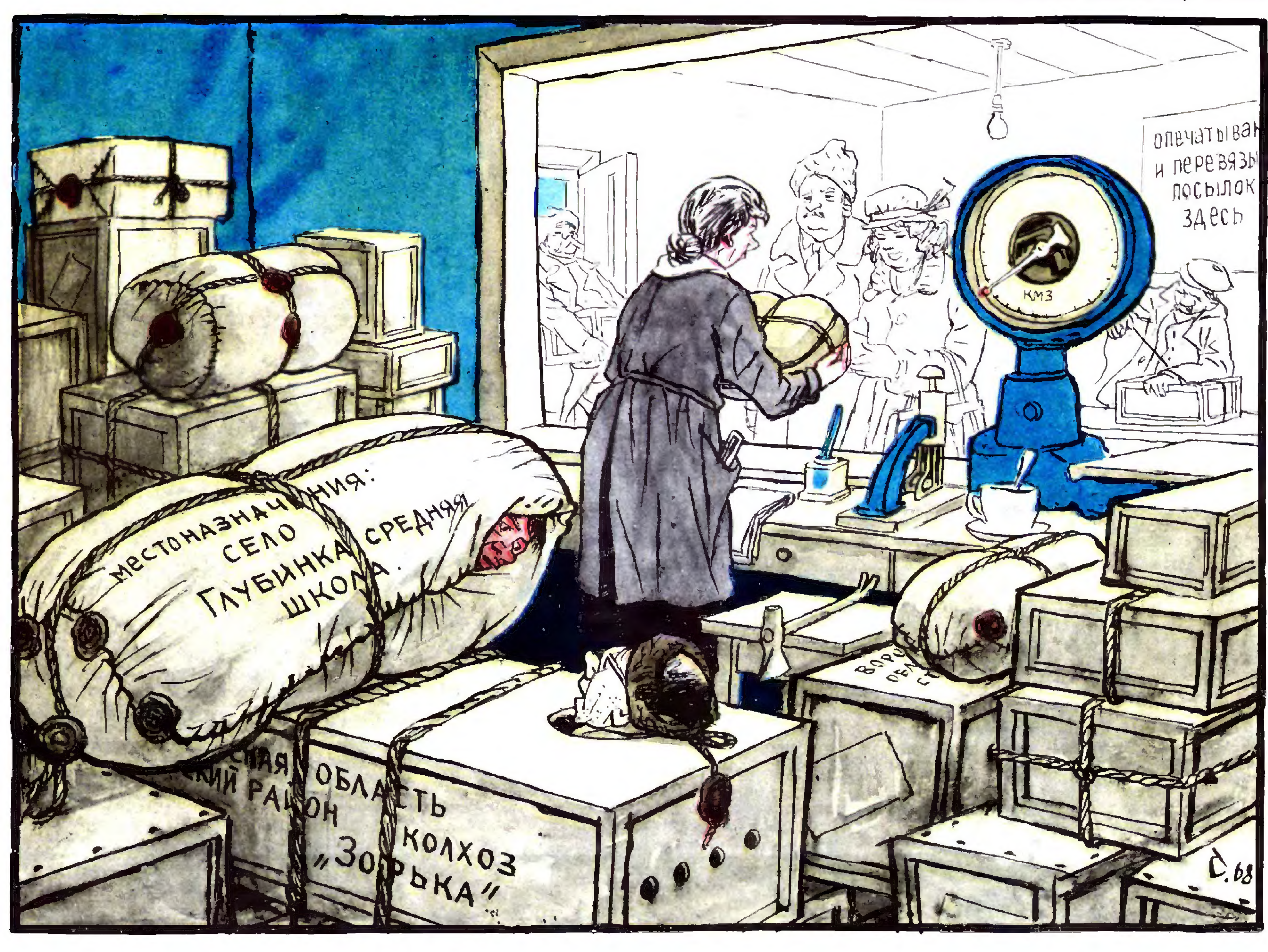
...Когда мы возвращались в Москву, иностранец Курт Кламанн рассказывал соседям по купе о своей встрече с Лениным.

— Ich traf mich mit Lenin am 22. Januar 1924 in Noworossijsk.

Это означало, что он познакомился с Лениным 22 января 1924 года в Новороссийске.

г. Новороссийск.

Молодые специалисты неохотно едут на село.



— Тоже учитель?
— Нет, я зоотехник.

Рисунок И. СЕМЕНОВА

На иронической волне

Александр ГАЛКИН

ПЕРЕДАЧА ОПЫТА

Рассказ
колхозного пчеловода

Прогремел наш «Светлый брод»
Медосбором небывалым —
И за опытом народ
Повалил к нам
Мощным валом!
Отовсюду едет люд —
Изучает метод новый,
Хвалят
Творческий наш труд
И особо —
Вкус медовый!..
Побывали сразу тут
Пчелобаза,
Институт,
И пожарный
Был инспектор,
И базарный
Был директор.
Приезжали «Заготшерсть»,
Представитель Рыбнадзора,
Репортеров было шесть,
Режиссер,
Два ревизора...
Лишь успел
Медку поесть
И умчал кооператор —
Слышу радостную весть:
Едет кинооператор!..
Был тут автор оперетт,
Секретарь журнала «Моды»,
А восторженный поэт
Подарил нам
«Оду меду»!..
Но поставлю точку здесь
В настроеньи невеселом:
Передали опыт весь,
Не осталось...
Даже пчелам!

Перевел с чувашского
Иван ЗАКОНОВ.

Бабкен КАРАПЕТЯН

ТУРИСТ

Турист в чужих морях поплавал,
Увидел жизнь иных народов
И стал писать...
Не ради славы,
А для покрытия расходов!

ПОДХАЛИМ

Познакомьтесь! Это Медолей,
Подхалим со сладкими губами:
— Новый год? Пожалуйте! Скорей!
Новый год? Мы ждали вас годами!..
Новый год и молод и красив.
Старый год был стар и безобразен.
Старый — нуль. Списать его в архив!
(Хоть и был таким же медом мазан.)

БАСНЯ ПРО...

Я басню посвятил
прожорливому Волку —
За это мне намяли холку.
Тогда я написал про хитрую Лисицу—
Мне говорят:
— Нет, братец, не годится:
Опять пойдут сравнения с людьми,
Уж больно метод твой
рискован и опасен!
— Так что же делать, черт возьми?!
Про ангелов не пишут басен!

Перевели с армянского А. Внуков,
Г. Жирмунская, Арго.

Из юмора «Перца»

И. ГУРКОВСКИЙ

НА СВОЮ ГОЛОВУ

Сначала Коза облупила Лозу,
А после Лоза отлупила Козу.

К. МИХЕЕВ

ПРОСТИ!

Ушла супруга из села,
Но вновь вернулась к Николаю:
— Прости!
— Прощаю, что ушла,
А что вернулась — не прощаю!

М. БУРДА

НЕСКРОМНОСТЬ

Раскричалась в цирке на Слона
Муха возмущенная одна:
— Ты что — ослеп?!
Чтоб гром тебя убил!
Мне на ногу едва не наступил!

Перевел с украинского
С. Швецов.

Владлен БАХНОВ

Рассказ

КАК БУДТО...

В нашем учреждении работают преимущественно серьезные, взрослые люди. Мы делаем в основном необходимое, полезное дело, о чем-то всерьез беспокоимся, за что-то отвечаем или по крайней мере пытаемся переложить ответственность на других. Короче говоря, мы заняты серьезными, взрослыми делами, и дел этих с избытком хватает на полный рабочий день.

Но время от времени весь наш коллектив вдруг начинает играть в популярную среди детей дошкольного возраста игру, которой все мы забавлялись давным-давно. Игра называется «какбудка». Помните? Это как будто не скамейка, а магазин. А я как будто продавец. А ты как будто покупатель. А это не камешки, а как будто конфеты. И я их тебе как будто продаю, и ты их как будто ешь, и они как будто вкусные. Невзаправду. Как будто. Понарошку.

Обычно эта незамысловатая игра в нашем учреждении начинается с того, что на самом видном месте в коридоре появляется объявление: «Сегодня после работы состоится общее собрание. Явка обязательна».

И с этого момента правила игры вступают в действие. Одни сотрудники тотчас заявляют, что они себя как будто плохо чувствуют и спешат в поликлинику. Другие говорят, будто бы у них дома все заболели вирусным гриппом и они торопятся в аптеку. Третьи ничего не говорят и, притворяясь, будто бы идут на собрание, стараются незаметно прошмыгнуть в гардероб.

Но председатель месткома Зинаида Васильевна Маломальская клятвенно заверяет, будто бы собрание продлится всего минут тридцать пять — тридцать шесть, и мы, будто бы в это поверив, рассаживаемся по местам.

— Для ведения собрания нужно выбрать председателя и секретаря. Какие будут предложения?—спрашивает Маломальская.

Спрашивает, как будто заранее не известно, что председателем, как всегда, будет Иван Семенович Шумский, а протокол опять придется вести Ниночке Горемыкиной.

Ниночка пробует отказаться, как будто не знает, что ей ничто не поможет, и говорит, что она медленно пишет... Но все дружно кричат: «Нечего! Нечего! Ничего! Ничего!»—и Горемыкина сдается.

Слово для доклада предоставляется Маломальской. Зинаида Васильевна начинает говорить. Строго соблюдая правила игры, она говорит так, как будто еще ни разу не говорила о том же самом и теми же самыми словами... Говорит так, как будто мы сами не знаем, что наряду с достигнутыми успехами в нашей работе имеются отдельные недостатки; как будто нам неизвестно, что надо выполнять взятые на себя обязательства; как будто мы только сейчас узнали, что следует своевременно платить членские взносы и возвращать ссуды, взятые в кассе взаимопомощи. В общем, Маломальская говорит так, как будто мы ее внимательно слушаем, и говорит ровно сорок минут.

Потом начинаются прения. Вернее, не начинаются, потому что выступать никто не хочет.

— Товарищи! Давайте поактивней! — призывает председательствующий.— Мы же сами себя задерживаем! Что же мы, так до утра молчать будем?

И тогда у меня не выдерживают нервы, и я иду выступать. Моему примеру следуют еще двое слабонервных. И, помня о правилах игры, мы выступаем так, как будто нам действительно есть что сказать. Говорим мы вместе полчаса. Наш почин подхватывают еще три оратора, и собрание, делая вид, будто первый вопрос уже решен, переходит ко второму.

Второй вопрос о стенгазете. Маломальская сообщает нам, как будто мы этого сами не знаем, что наша стенгазета «За отличную работу» выходит всего два раза в год — к майским и ноябрьским праздникам,— и это никуда не годится. Стенгазета должна выходить по меньшей мере два раза в месяц.

— И хорошо бы наладить вечерний выпуск! — выкрикивает с места плановик Марк Твенский.

— Неостроумно! — тут же парирует Маломальская.

— Товарищи! Мы обсуждаем серьезный вопрос,— поддерживает ее председательствующий.— Шутить будем потом. А сейчас слово редактору стенгазеты Трубецкому.

— Здравствуйте! — обижается Трубецкой.— Почему это я редактор? Меня еще в прошлом году переизбрали.

— Да, да,— подтверждает Ниночка Горемыкина.— Я, помню, об этом записывала в протоколе.

— А кто же редактор?

Все молчат.

— Товарищи, не могла же у нас первомайская газета выйти без редактора! Это же мистика! Кто-то же газету выпустил!

После долгих выяснений оказывается, что редактор действительно был. Степан Степаныч Тверской-Ямской. Но, выпустив последнюю майскую стенгазету, он с чистой совестью и легкой душой ушел на пенсию. А остальная редколлегия отчасти находится в командировке, отчасти в декретном отпуске.

— Но так же нельзя! — ужасается Маломальская. И мы тут же выбираем новую редколлегию.

По давно установившейся традиции редколлегия в основном комплектуется из не явившихся на собрание, и поэтому дело обходится без самоотводов.

Далее мы единогласно выносим решение, обязывающее редколлегию выпускать газету еженедельно (как будто не знаем, что газета по-прежнему будет выходить два раза в год), и приступаем к третьему вопросу.

Обсуждается недостойное поведение младшего экономиста Привозного, умудрившегося за один месяц дважды побывать в вытрезвителе.

— Товарищ Привозной! — говорит Маломальская.— Объясните собранию свое поведение.

Привозной—полный, рыхлый человек лет тридцати пяти — встает и, улыбаясь так, будто ему сейчас будут вручать грамоту, басит:

— А что объяснять? По-моему, все и так в этом вопросе хорошо разбираются.

— Не вижу ничего смешного,— строго прерывает его председатель, стуча карандашом по графину.— Вы, Привозной, понимаете, что своим поведением позорите весь наш коллектив?

Привозной делает вид, будто понимает. Он сразу перестает улыбаться, разводит руками и тяжело вздыхает.

Затем снова начинаются прения. Выступают в основном женщины. Но есть и мужчины: один закоренелый трезвенник, один хронический язвенник и два закадычных приятеля Привозного. Последние стараются больше всех. Они так искренне, так гневно бичуют любителя небезалкогольных напитков, как будто сами не пили с ним в недавнем прошлом. Как будто снова не станут чокаться в ближайшем будущем.

И Привозной на приятелей не обижается. Он понимает, что они должны были выступить и что это не взаправду, а как будто. Обижается он только на трезвенника. Во-первых, никто его за язык не тянул, мог бы и промолчать. А во-вторых, Привозной твердо убежден, что трезвенник не имеет морального права осуждать его. Не имеет хотя бы потому, что сам не пьет и пить не пробовал. А если бы он, трезвенник, пил, то наверняка стал бы алкоголиком. И, следовательно, его, трезвенника, от вытрезвителя спасает только то, что он не пьет...

И пока Привозной мысленно возводил свои сложные логические построения, все желающие выговорились, и обсуждение персонального дела стремительно пошло к финишу.

— Я предлагаю вынести товарищу Привозному выговор,—говорит председатель.— И надеюсь, сегодняшняя нелицеприятная критика послужит ему хорошим уроком.

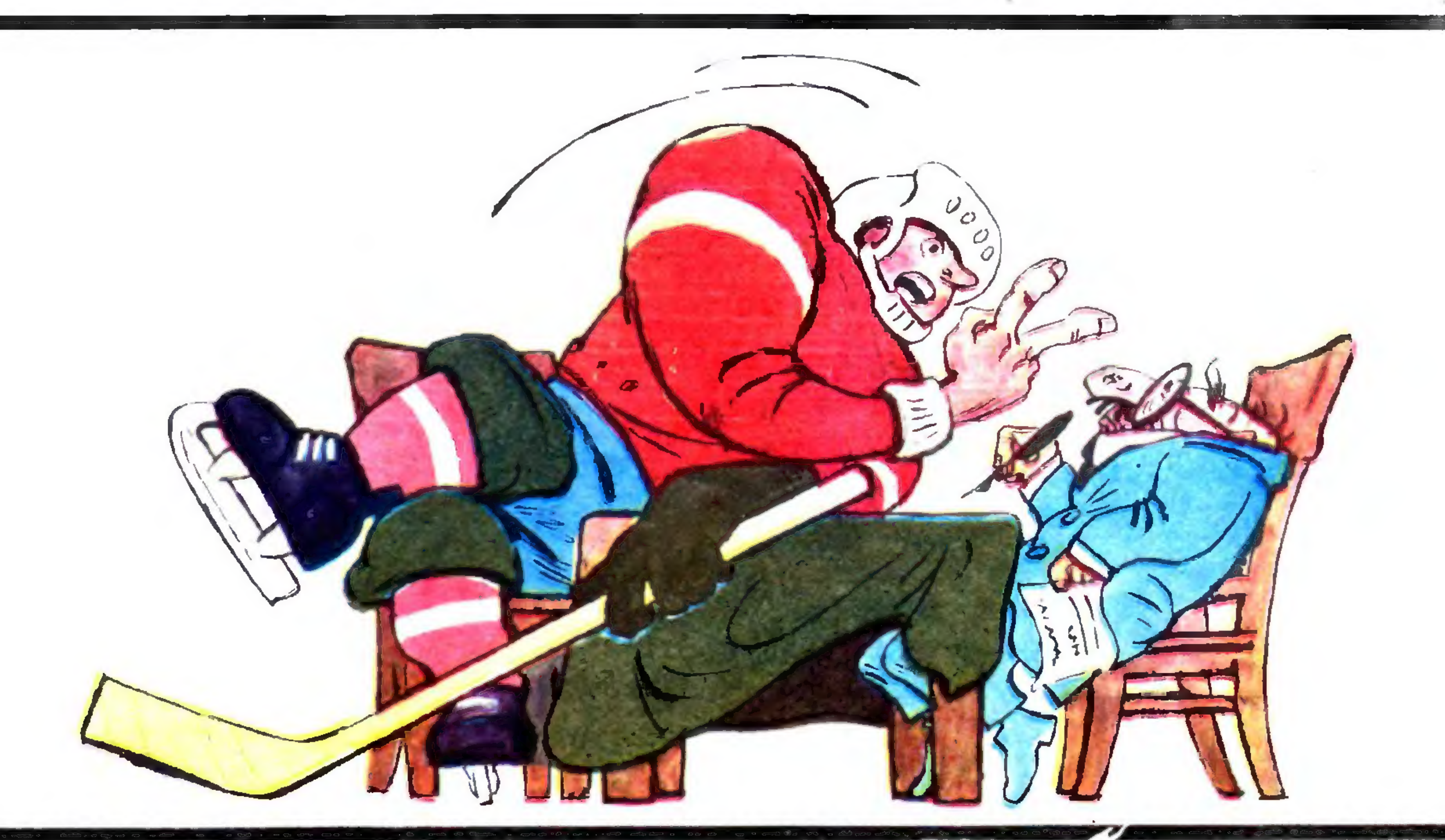
Младший экономист старательно всем своим видом показывает, будто послужит.

— Я также надеюсь, что у товарища Привозного хватит силы воли взять себя в руки. Ведь не зря весь наш коллектив,— с пафосом восклицает Маломальская,— верит, что Привозной навсегда покончит со своей слабостью!

И мы дружно делаем вид, будто действительно верим.

— Ну вот, товарищи, как будто бы все! — говорит председатель, и мы торопливо бросаемся к выходу. Не как будто торопливо, а всерьез, взаправду.

Мы расходимся так, как будто только такими и должны быть наши собрания. Как будто не бывает по-другому. По-настоящему. Без всяких как будто.



— Только учтите, профессор, у меня всего две минуты чистого времени.

Рисунок В. ЖАРИНОВА



НЕ ЗАВЕСТИ ЛИ ЭВМ?

Этот вопрос я задал моей жене за чашкой вечернего чая, когда так хорошо беседуется на домашние темы.

В самом деле, ровный шумок электрического самовара, мягкое воркование телевизора, веселое попискивание радио в дальнем углу столовой — все это стало уже обыденным. Деловитое пощелкивание электронно-вычислительной машины, думалось мне, очень хорошо «впишется» в эту симфонию семейного уюта.

— Конечно! — обрадовалась жена.— Тем более, будет на чем подсчитывать доходы-расходы. К примеру, пришла я с рынка, сунула авоську с овощами в ЭВМ — и тут же готова итоговая сумма затрат... Доставай, не раздумывая!

А что? Вот возьму и напишу в какое-нибудь министерство: так, мол, и так, учитывая живейший интерес моих домочадцев к современной вычислительной технике, прошу выслать мне электронную машину наложенным платежом. Нет, пожалуй, наложенным — это дороговато станет. Попрошу, чтобы передали с баланса на баланс что-нибудь из электронных излишков — пусть числится за мной, а там видно будет.

Думаете, не пойдут мне навстречу? Еще как пойдут! И вот почему я в этом уверен.

Встретился я как-то года три назад с одним знакомым студентом, он мне и говорит:

— Наконец-то и наш Сухумский педагогический институт приобщится к прогрессу. Будет у нас на физико-математическом факультете своя электронно-счетная машина «Урал-1». Не какой-нибудь там допотопный арифмометр, а кибернетическое устройство! Учись только...

— Кто же это вам такой подарок сделал? — спрашиваю.

— Как кто? — удивился студент.— Государство, разумеется! Написала наша дирекция в Министерство судостроительной промышленности СССР письмо: нельзя ли для учебных целей передать на баланс Сухумского пединститута электронно-счетную машину? Обещал заместитель министра товарищ Чуйков помочь...

И, как оказалось, помог. В 1965 году машина «Урал-1» ценою в 111 728 руб. 89 коп. была со всеми своими кибернетическими потрохами передана Сухумскому педагогическому институту. Она и сейчас там. Целиком. Поржавела, правда, кое-где из-за протекания крыши на складе. Но все-таки частично стоит. Частично лежит, частично валяется. Учиться на ней студенты физмата так и не начинали. И не будут — говорят, это уже невозможно.

А по мне хоть и устаревшая, а все же машина. Так что соберусь да и напишу письмо в то же министерство. Так, мол, и так... Глядишь, и клюнет. Кто там станет разбираться, зачем она мне, эта техника!..

Так и напишу: бояться-де нечего — если с института никто не спросил за загубленную аппаратуру, то с меня и подавно спрашивать не станут.

Ясон ГЕРСАМИЯ,
специальный корреспондент Крокодила

г. Сухуми.

В ТРЕТЬЮ СМЕНУ



Ученье — свет

Рисунок В. и Г. КАРАВАЕВЫХ

ЕЖЕЛИ БАБОНЬКИ ПОЗВОЛЯТ...

У подъезда старого кирпичного здания кипела потасовка. Вихрем взлетали березовые листья. Отряд женщин, вооруженных вениками, наседал на выстроившихся в каре мужчин.

— Сегодня наш день! — многоголосо кричал слабый пол.

— В календарь загляните! — отпихивался вениками сильный пол.

— Ты на кого веник поднял?! — огрела краснощекая молодуха здоровенного детину.

Молодожены, которых обычно водой не разольешь, оказались по разные стороны баррикады. Под угрозой разводов мужья, бросая веники и поднимая руки, переходили в неприятельский стан.

— Предатели! — ругали их холостяки и разведенные.

Сильный пол дрогнул и отступил. Женщины ворвались в баню.

Побежденные гурьбой повалили к директору.

— Помилосердствуйте, братцы! — выставив перед собой, как щит, шайку, умолял директор бани В. И. Гончаров.— У меня всего сто пятьдесят шаек на сто тысяч мичуринцев.

— Раньше, когда я еще в женихах ходил, помню, в городе шесть бань было,— вздохнул кряжистый дед.— Шухмина, Кожевникова, у речки...

— Скоро новая баня откроется, Ерофеич,— утешил его Василий Иванович.— Попаришь свои косточки.

— Куды там! Ее, почитай, три года строят,— махнул рукой Ерофеич.— А на дворе вон уже белые мухи летают.

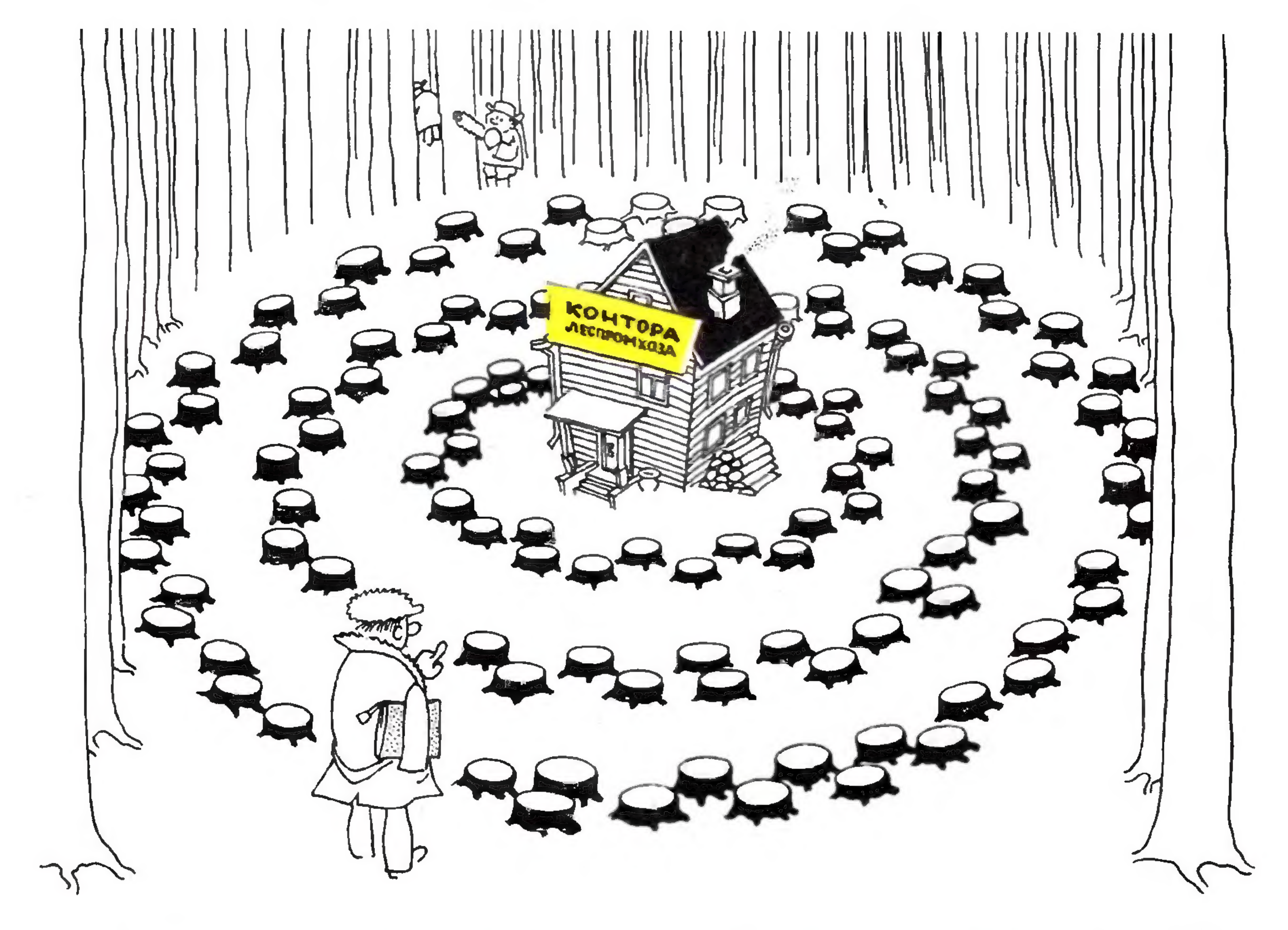
— Ты нам растолкуй, мил человек, что министр-то коммунального хозяйства РСФСР обещал, когда приезжал в наш Мичуринск?

— Понятно, что,— пожал плечами директор.— Сергей Михайлович Бутусов грозил к Новому году приехать попариться в новой бане. Вот и придется ему, если приедет, идти париться к нам.

— Ежели ему наши бабоньки позволят,— ухмыльнулся Ерофеич.— В чем крайне сумлеваюсь.

В. КАНАЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

г. Мичуринск.



— Судя по годовым кольцам, леспромхозу уже три года.

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

ТРАКТОР НА РЕЙДЕ

Муторным ноябрьским утром в городе Шумиха, Курганской области, случилось событие: на рейде реки Падь взорам горожан явился утопший трактор. Он мертвецки строго лежал на дне вверх гусеницами и пускал пузыри. Вокруг трактора дрожали похожие на медуз солидольные лужицы.

Собралась толпа. Окрест лег покров тайны. Мужчины сурово сдвинули брови, а женщины изготовились заголосить. Двое местных «моржей» лихо бросили оземь заячьи малахаи, скинули штаны и, прилюдно оставшись в исподнем, боднули лбами речную гладь. Вынырнув, «моржи» сообщили: кабина пуста, двери настежь, утопленников нет.

Примчались пожарные и гормилиция с собакой. Пожарные пырнули воду багром, покачали головами и, позвонив в медный колокол, уехали. Милицейская собака обнюхала берег, чихнула и стыдливо поджала хвост. Хозяева трактора как в воду канули. На плечи городских властей легло бремя поисков.

— Скажите, пожалуйста,— телефонировали исполкомовцы в различные учреждения и ведомства,— это не ваш ли трактор поглотила стихия?

— Нет,— отвечали в учреждениях и ведомствах,— это не наш трактор.

— Послушайте, а не можете ли вы этот трактор вытащить? У него коррозия начинается.

— Как же мы можем вытаскивать этот трактор, если это не наш трактор? — отвечали им.

В поиски включилась общественность. Дружинники обходили лиц, склонных к правонарушениям, и прозрачно намекали, что честное признание является смягчающим обстоятельством. Лица намеки отметали и обижались.

Шли дни, а трактор лежал. Горожане к нему даже привыкли. Захотят встретиться друг с другом, так и говорят: «На мосту, у трактора». И каждому ясно, что имеется в виду мост, который через реку Падь.

На пятнадцатый день по городу прошел слух, будто бы трактором владеет СМУ-504 города Перми. Будто бы ехал на нем прораб товарищ Керов прокладывать кабель связи Курган—Шумиха. Будто бы товарищ Керов распил перед рейсом спиртной напиток.

Слух подтвердился, и в горсовете воспрянули духом. Очень обрадовались, что у трактора отыскался хозяин. Поспешили поделиться приятной новостью с начальником СМУ-504 тов. Гольфманом: нашелся, мол, ваш трактор, полезайте за ним в реку Падь и волоките на берег, покуда матчасть коррозия не съела. Послали письмо и стали жадно глядеть на дорогу.

Только товарищи Гольфман и Керов тоже не лыком шиты. Им Шумихинский горсовет не указ. Они не какие-нибудь там «моржи», чтобы за одним-единственным трактором посреди зимы в речку лазить. И вообще, прораб Керов в реке Падь уже побывал. С него хватит.

Г. РОЖНОВ

ФОТОЗАГАДКА



— Что в стакане? Мазут? Разведенная тушь? Средство для окраски волос в цвет «жгучая брюнетка»?

ОТВЕТ

Нет, в стакане жидкость, которая течет из кранов для горячей воды, установленных в квартирах свердловчан. Изготовляется она на Среднеуральской ГРЭС.



С. ШАТРОВ

С букетом по трапу...

Бремя славы не так уж тяжело. Редко кто отказывается от этой ноши. Так что не будем кокетничать, каждый не прочь подняться на ступеньку пьедестала почета. Трубные звуки в это время не режут слух. Вспышки «блицев» не ослепляют.

И еще приятно стоять у себя дома, небрежно прислонившись к книжным полкам (за спиной—БСЭ и Лев Николаевич Толстой), и отвечать на вопросы репортера популярного еженедельника:

— Ваша первая награда?

— «Янтарная ветвь».

— Любимые композиторы?

— Чайковский, Вивальди.

— Каких трех животных и птиц вы бы взяли на необитаемый остров?

— Корову, собаку и соловья.

— Ваше внеслужебное увлечение?

— Коллекционирую дирижерские палочки и ласты чемпионов подводного плавания.

Люди читают и проникаются уважением к вашей неповторимой индивидуальности (еще бы: ласты и дирижерские палочки!).

Надо сказать, что подобного рода интервью удостаиваются далеко не все. Обычно их берут у конферансье, мастеров бального танца и знатных хоккеистов.

В связи с этим вспоминается эпизод из кинофильма «Мертвый сезон». Советский разведчик, предельно мужественный человек, возвращается на Родину с опаснейшего задания. Он его с честью выполнил. Он не раз встречался со смертью с глазу на глаз. И вот воздушный лайнер приземлился. Толпа с букетами устремляется по трапу, слышны восторженные возгласы. Минутой позже выясняется, что все цветы и восторги адресованы спортсменам, которые, роняя улыбки, пружинистым шагом спускаются по трапу. Несколько мгновений спустя по опустевшему трапу сходит герой... В зале раздались аплодисменты. Зрители аплодировали режиссеру, который не без сарказма подметил, что мы не всегда справедливо и по достоинству расточаем свои восторги.

Так давайте поговорим об этой несоразмерности. Поговорим о том, насколько публичные выражения наших симпатий по поводу чьих-либо общественных заслуг соответствуют этим заслугам.

В маленьком городке туристский автобус остановился подле скромного домика.

— Товарищи, поверните головы направо,— сказал гид.— В этом малоприметном доме родился и вырос товарищ Н. (он назвал фамилию известного футболиста).— Насладившись произведенным эффектом, гид кивнул шоферу, автобус проследовал дальше и остановился на другом углу.— А в этом стареньком мезонине,— тем же задушевно-торжественным голосом продолжал гид,— и поныне живет его тетя.

— Что вы говорите?! — сказал один из туристов.— Так и живет и не переехала в центр?

— Она работает здесь приемщицей в химчистке.

— Это потрясающе! Родная тетя мастера «дриблинга» и «подката» не гнушается рядовой работой!

И тут туристы обнаружили, что ценные сведения о тете не много прибавили к их знаниям. Личная жизнь футбольного маэстро и без того была им досконально известна. Печать, радио и телевидение регулярно информировали их, в какой форме находится в данный момент мастер, сколько мячей забил он в этом году, в прошлом и позапрошлом, на каком месте он стоит в шеренге лучших бомбардиров страны, континента и мира. В скобках заметим, что футбольная статистика поставлена у нас идеально, другим бы поучиться у нее головокружительной оперативности и электронной точности. Пассажиры автобуса вспомнили также и многочисленные снимки: мастер в акробатическом прыжке забивает гол, мастер гуляет с женой и сыном, пьет кефир в салоне воздушного лайнера, пьет кофе на «голубом огоньке», пьет безалкогольный напиток на встрече с мастерами искусств в ЦДРИ.

— М-да,— не унимался злоязычный турист,— не находите ли вы, что одна знаменитость — это не так уж много для шести городов, где мы побывали?

— Что вы! — оскорбился гид.— У нас тут много интереснейших людей. Селекционер (имярек), мостостроитель (имярек), зодчий (имярек). Но никто их не знает. А нашего товарища Н. знает вся страна.

Гид был прав. Имя талантливейшего селекционера промелькнуло в печати в связи с награждением его орденом Ленина. О нем написали статью в специальном журнале и по очерку в областной и центральной газетах. И все. Потом о нем надолго забыли. Может быть, потому, что он не мог выводить каждую декаду по новому сорту семян.

Я слышу голоса неистовых поклонников футбола. Чего, дескать, автор обрушился на мастеров кожаного мяча? Не является ли он тем презренным типом, который выключает телевизор при первых тактах футбольного марша?

Автор не выключает. Больше того, он ходит на стадион. В жестокое ненастье он сидит на скамье, накрывшись газетой, слизывает языком стекающие по щекам дождевые капли. Автор не чурается теории, пытается осмыслить все новинки футбольных стратегов, о которых так увлекательно пишут спортивные обозреватели. Ах, если бы так часто и смачно писали о героях труда — виртуозах-трактористах, чемпионах среди стригалей, магах токарного станка! Как мало мы о них знаем и как плохо подчас о них пишем! А как хочется больше узнать об изобретениях века и изобретателях, о генеральных идеях генеральных конструкторов и вообще о победоносном марше науки, перешагнувшей вчерашние рубежи!

Недавно мне довелось побывать на школьной вечеринке. Уставшие от танцев ребята начали играть в «известных людей». Когда дело дошло до буквы И, пошли недоразумения. Играющим пришлось объяснять, что Иктин — древнегреческий архитектор, один из строителей Парфенона, а Иллеш — известный венгерский писатель-коммунист, а Иван Степанович Исаков — адмирал флота Советского Союза, крупный ученый, и так далее. Но особое недоумение вызвала фамилия Исаева.

— Это что за знаменитость? — раздался голос.

— А вот припомни.

Все начали гадать. Мотогонщик? Певец? Лауреат КВН?

— Нет, просто врач!

— Всего-навсего?!

Между тем этот человек был достоин памятника при жизни. Он спас десятки тысяч людей. Не каждый может предъявить потомкам отчет о подобного рода подвигах.

В 1922 году Исаев был послан в Бухару. Советская власть сказала ему: надо одолеть извечных врагов Узбекистана — анофелеса и ришту. Анофелес — комар, носитель малярии. Ришта — метровый червь, паразитирующий в человеческом организме.

Леонид Михайлович Исаев начал игру со смертью. В этой многоходовой партии, длившейся десятки лет, победил ученый. Победили точный стратегический расчет и фанатическое упорство.

Многие тысячи километров исходил Исаев пешком под кинжальным солнцем Узбекистана. В походах он питался чаем и сухарями, спал по нескольку часов в сутки. Он изучил каждый водоем республики, начиная от рек и кончая ямой, наполненной зловонной водой. Он знал каждое местечко, где может расплодиться коварный анофелес. Он поднял на борьбу тысячи врачей, биологов, натуралистов, ирригаторов и просто добровольцев. Сотни малярийных и тропических станций обязаны ему своим существованием. Об этой поистине эпической битве с комаром и червем можно написать не одну книгу. А вот результаты: ришта, просуществовавшая два тысячелетия, начисто ликвидирована меньше чем за десять лет. Что же касается малярии, то легче сейчас найти в Узбекистане мамонта, чем малярика!

Между тем в странах, познавших блага колониального господства, риштой по сей день болеют двадцать пять миллионов человек. Маляриков, вероятно, намного больше. Ведь малярия продолжает бушевать на территории, где проживает почти половина рода человеческого.

Имя Леонида Михайловича Исаева с величайшим уважением произносят не только отечественные, но и зарубежные ученые. Его называют «подвижником науки», «легендарным профессором».

Почему же так мало знает о нем наша молодежь? Те же школьники? Нет ли здесь изъяна в воспитании? Нет ли здесь той самой несоразмерности, о которой мы говорили в начале фельетона?

Так вернемся же к началу. На аэродроме приземляется лайнер. По трапу сходит человек. Навстречу устремляется толпа с букетами. Вспышки «блицев». Репортер популярного еженедельника берет у него интервью:

— Ваша первая награда?

— Значок «Отличник здравоохранения».

— Что вам приносит в работе высшее удовлетворение?

— Спасенная человеческая жизнь.

Разве это хуже звучит, чем «гол, забитый в ворота противника»?

Устин МАЛАПАГИН

ДАВАЙТЕ БЕЗ ЛИРИКИ!



Именно в канун Нового года задумали мы создать монументальное произведение на тему «Сельское строительство». И взяли за основу васнецовское полотно «Три богатыря».

Но только вместо трех богатырей нам придется изобразить четырех, по числу министерств, участвующих в сельском строительстве. Трое из них—многоопытные бойцы, имеющие богатырский послужной список. Это Минстрой, Минтяжстрой и Минпромстрой. Четвертый по сравнению с ними еще отрок. Это Минсельстрой, созданный в 1967 году.

Могутная дружина из четырех богатырей вполне способна за одну ночь без всякого щучьего веленья соорудить чудо-дворец из стеклопрофилита с кондиционированием или экспериментально-показательный агропоселок.

Фоном для нашей картины послужит традиционный сельский пейзаж: колосятся озимые, наливаются яровые. А на этом фоне — четыре богатыря и сооруженные ими клубы и детсады, школы и овощехранилища, ремонтные мастерские и жилые дома.

Будучи неисправимыми реалистами, мы решили не отрываться от действительности и писать все детали исключительно с натуры. С этой целью мы оказались в селе Полом, Фаленского района, Кировской области. В колхозе «Путь к коммунизму». По имеющимся сведениям, здесь должен быть новый клуб.

Но местные жители вместо одного клуба показывают нам два. Один, подпертый бревнами и заколоченный во избежание аварии, и другой, намеченный эскизно: это полузаложенный фундамент и несколько ям — результат деятельности межколхозной строительной организации, возглавляемой тов. Виноградовым. Клуб строители обещали сдать в 1968 году, но дальше нулевой отметки дело не пошло: нет кирпича.

Увы, приходится отказываться от розово-голубых тонов. Для этой грустной картины более приличествует сажа газовая. Решаем, что это нетипично, что надо отправиться в другое место. Скажем, в благодатное Ставрополье, край колхозов-миллионеров.

И вот мы посреди бескрайних полей зерносовхоза «Ульяновский», Георгиевского района. Эти поля бороздят тракторы, комбайны и прочая техника. Время от времени что-то ломается и требует ремонта. Мы горим желанием запечатлеть на полотне новую, оборудованную по последнему слову ремонтную мастерскую. Окунаем кисть в победный оранжевый цвет, и...

— Но, но, без выдумок! — вмешиваются механизаторы.— Рисуйте что есть.

Рисуем что есть. Получается картинка из четырех частей — кажется, это называется тетраптих.

1960 год. Начала валиться центральная ремонтная мастерская.

1964 год. Завалилась совсем.

1965 год. Зеленокумская ПМК-18 треста «Ставропольсельхозстрой» заложила фундамент новой мастерской.

1968 год. Есть стены, но не имеется крыши.

Мы решили дополнить картину групповым портретом строителей. Но пока не придумали, как их изобразить: то ли чешущими в затылке, то ли подписывающими очередное сверхзвуковое обязательство по сдаче мастерской.

Оставили место для портрета и сочли за благо переметнуться в Казахстан, на бывшую целину.

Даже если вы не были в сельхозартели имени Чапаева, вы легко сможете изобразить тамошний пейзаж. Возьмите две краски: голубую и охру золотистую. Проведите по верху голубым — это бездонное кустанайское небо. Ниже сочно кладите желтый мазок — это зреет целинный урожай чапаевцев. Пейзаж готов. Только какие-то развалины затесались не к месту. Поросшие бурьяном, они как бы хранят дыхание веков.

— Остатки древних поселений? — спрашиваем мы у аборигенов.

— Какое там древних! Это наша новая машинно-тракторная мастерская,— слышится голос из темной сырой лачуги, которая оказалась старой мастерской. Но кустанайские строители, в частности проектно-монтажная контора № 40, настроены оптимистически:

— МТМ? Это нам — тьфу. Раз плюнуть. Как два акта подписать. Сей минут сделаем, вот только перекурим. Чтоб у нас фонд зарплаты лопнул, если обманем!

— Врут, черти! — вздыхают опытные механизаторы. Они правы. Чтобы не портить холста, решаем временно приостановить монументальную деятельность и перейти на эскизы. Прибыв в совхоз «Степной», Ташлинского района, Оренбургской области, мы, огорченные, ходили вокруг детского садика, начатого в 1966 году и не сданного по сей день. Эскиз недостроенного садика мы сделали прямо пальцем на двухгодовалом слое пыли, покрывшем техдокументацию.

Теперь по нашему плану путь ведет в Пензенскую область. Поглядим, как строится коровник в совхозе «Танеевский».

Великая стройка началась в 1964 году «Пензасельстроем». Шли годы. Была возведена Асуанская плотина. Облетел Луну «Зонд-5». Закончили здание СЭВа. Телки, появившиеся на свет в старом коровнике, успели стать бабушками в том же помещении. А новый коровник еще не готов. Сложность архитектуры! Особенности почвы!

Глядя на недостроенный коровник, мы почувствовали, что отдельные реалистические детали начинают заслонять монументальные фигуры строительных чудо-богатырей. Лирика себя изжила. Требовалась трезвая статистика.

Поэтому, бросив прощальный взгляд на танеевских телок, мы появились в Москве, в Министерстве сельского хозяйства РСФСР, и попросили перевести нашу картину на язык цифр.

— Что это вы тут намалевали? — холодно заметили нам.— Четыре богатыря? Да вы знаете, что всего на селе строит 31 подрядчик! Без малого тридцать три богатыря.

— А почему же тогда так плохо строятся сельские объекты? Коровники — по полтора-два года вместо шести месяцев. Мастерские...

— Да потому, что не выполняются планы. Минстрой, например, выполнил сельское задание десяти месяцев на 69 процентов, Минпромстрой — на 84.

— Бедняга Минсельстрой! — посочувствовали мы.— Приходится за всех отдуваться.

— Как бы не так! Он тащится почти ноздря в ноздрю с Минстроем. За год от Минсельстроя РСФСР ожидается недовыполнение на 70 миллионов рублей. Это еще ничего. В 1967 году союзный Минсельстрой недотянул на 100 миллионов.

— Ах, вот как! Ну, тогда его нужно критиковать. Бездельники!

— И опять вы пальцем в небо. Минсельстрой трудится в поте лица. Он застраивает города.

Оказывается, три богатыря в 1967 году взяли на себя миссию, в порядке помощи четвертому, Минсельстрою, построить сельских объектов на 498 миллионов рублей. А Минсельстрой со своей стороны, видимо, в порядке благодарности, взял на себя обязательство построить объектов городских и промышленных на МИЛЛИАРД рублей!

— Ну, это... хе-хе,— сказали мы,— загнули...

— Истинная правда! — гордо возразили нам в Минсельстрое.— Нашими руками возводятся: в Волгограде химкомбинат и цементный завод, в Ярославле резинотехнический завод, во Владимире механический завод, в Башкирии медносерный комбинат...

Больше у нас вопросов не было. Наверное, так положено. Вероятно, в этом и состоит мудрый госплановский замысел.

И, как бы подтверждая нашу мысль, в плане Минсельстроя появилось еще восемь городских объектов по Хабаровскому краю.

В раздумье мы вернулись к своему полотну. В голове теснились вопросы. Хотелось уже не лирики и не статистики, а элементарной логики. Почему Минсельстрой называется Минсельстроем, если он предпочитает работать в городе? И почему остальные богатыри так дружно срывают сельское строительство, а в городах трудятся куда лучше?

А может быть... Странная, неправдоподобная догадка мелькнула в голове.

По-прежнему четыре богатыря на картине смотрели из-под руки вдаль, как будто выбирая строительную площадку. За их спиной простирался сельский пейзаж. Смотрели витязи в сторону города. Туда, где удобные дороги, щедрые стройбазы, источники энергии, а также все, что сулит в конечном счете премию и прогрессивку.

Они смотрели, повернувшись спиной к селу.



— Два вагона калош к вам не попадали?

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

МИМОХОДОМ

В драке рождаются только избитые истины.

А. АБРАМОВ.

Певица предпочитала петь в сопровождении оркестра. Один рояль плохо скрывал ее голос.

Е. СЕЙМОВИЧ.

Из колхоза бабушку отозвали на работу в областной центр: родился внук.

В. ФЕДОТОВ.

Некоторые замечают светило только во время его затмения.

В. РОМАНЦЕВ.

С целью упрощения подбора кадров в анкете добавили пункт: «Есть ли у вас рука, где, какая?»

Э. ДИВИЛЬКОВСКИЙ.

Очковтиратель мечтал о ручке-самоприписке.

В. ЕЛОХИН.

Молчание — знак согласия, если вам не затыкают рот.

А. СИЧАНИН.

На полях колхозов и совхозов стоят тысячи столбов и опор. При обработке полей приходится объезжать столбы, оставлять огрехи, на которых разводятся сорняки.



— Мы сконструировали трактор специально для наших условий.

Рисунок Е. ГУРОВА

Подбородок боксера был его ахиллесовой пятой.

А. ПЕРЕСЛАВЦЕВ.

Годы, конечно, возьмут свое, но надо следить, чтобы они не прихватили лишнего.

Б. БАРТАШЕВИЧ.

Услаждать слух можно и тишиной.

В. ЛОМАНЫЙ.

В цирковом училище: «Товарищи! Улучшайте качество трюкачества!»

Ю. РЫБНИКОВ.

Нестандартные помидоры продавали в розлив.

А. ЛЕЩИНСКИЙ.

Неугасимое тление.

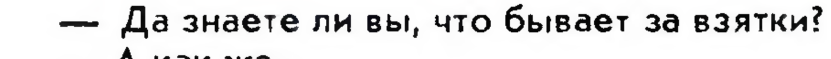
В. БРЮГГЕН.

Сельдь хвалилась, что в своей бочке она — самая безголовая.

В. ВЕТРОВ.

МИМОХОДОМ





— Да знаете ли вы, что бывает за взятки?
— А как же...
— Ну, тогда давайте.

Рисунок М. БИТНОГО

Миле СТАНКОВИЧ



Радиоприемник что-то тихо напевает, деловито жужжит пылесос, а бабушка неторопливо и тщательно водит щеткой по тахте и бормочет себе под нос:

— И прошу тебя, боже, не оставь милостью своею наш холодильник, приемник, пылесос и особенно телевизор с его капризным кинескопом, ибо, когда эта электротехника начинает выходить из строя и приходится вызывать мастеров для ремонта и высчитывать сроки этих чертовых гарантий, жизнь на земле становится сущим адом.

Знаю, господи, что тебе, как и моим домочадцам, которые мечутся между всякими собраниями, заседаниями и совещаниями, приходится быть вездесущим. А раз ты вездесущий, верю, что простишь мне, старой грешнице, когда вместо лампадки зажигаю я зеленый глазок приемника, а вместо восковой свечечки держу сейчас в руках шланг пылесоса. И прости, что не часто бываю в храм божий поклониться святым иконам... И, кстати, раз уж зашел разговор про живопись, повлияй, господи, на закупочную комиссию, чтобы приобрела она картины у моего внука художника Мити, тем более что бородка у него модная, прямо как у угодника. И еще ниспошли мне, господи, простой бандеролью церковный календарь, чтобы, как и прежде, соблюдала я посты рождественские и предпасхальные, по средам и пятницам, а то с этими моими безбожниками, пошли им, господи, счастья в личной жизни и успехов в работе, потеряла я свой старый церковный календарь... А ведь и в газетах даже пишут, что переедание ведет к инфаркту миокарда, гипертонии и разным коронарным болезням. Поэтому молю тебя, господи, спаси нас от тромбозов, склерозов, а паче от всяких анализов.

Прости меня, рабу свою, господи, что возношу тебе такую длинную молитву... Но раз уж зашла речь о вознесении, позаботься, пожалуйста, о всех наших реактивных лайнерах, потому что в одном из них мой сын Лазарь летит сейчас на международный симпозиум по борьбе с религиозным мистицизмом. А попутно присмотри, чтобы внук Митя хорошенько держал руль отцовского «фиата» и чтобы не отвлекала его от дорожных знаков эта голоногая безбожница, которую я постоянно вижу рядом с ним на переднем сиденье.

Занеси в свой блокнот, господи, ты, который за шесть дней выполнил задания на неделю, пусть получше будут выполнены планы и чтобы дети наконец стали получать зарплату по способностям, а премиальные — по потребностям. И ниспошли милость свою, господи, на наши телевизионные студии, чтоб делали передачи поинтересиее, да пусть вечерние передачи кончают пораньше, а то и у детей и у меня страдает вегетативная нервная система от недосыпания.

Ну, хватит, господи, пора отдохнуть, газету почитать. Так что аминь!

Перевел с сербскохорватского Г. Маркович.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

Сергей ДОВЛАТОВ

ПОБЕДИТЕЛИ

В борцовском зале Зимнего стадиона манеж освещен четырьмя блоками люминесцентных ламп. На брезентовых коврах топчутся финалисты городского первенства по классической борьбе.

За центральным столиком возвышается главный судья соревнований Лев Епифанов.

Судья-информатор взял микрофон и произнес:

— В синем углу — Аркадий Дысин, в красном углу — Николай Гарбузенко.

Борцы пожали друг другу руки и начали возиться. Оба они весили больше ста килограммов, обоим было за тридцать, оба ходили с трудом, а борьбу уже давно считали ненужной мукой. Но каждый раз тренеры уговаривали их поддержать команду...

Борцы давили друг друга круглыми плечами, хлопали по шее, охали и отдыхали, сомкнув животы.

— Спортсменам делается предупреждение за пассивность,— объявил судья-информатор.

Однако Дысин и Гарбузенко не обратили на это внимания и стали бороться еще деликатнее.

— Синий не борется! — кричали зрители. — И красный не борется!

Но Дысин и Гарбузенко даже не смотрели в их сторону. Борьбу они ненавидели, а зрителей презирали.

Вдруг что-то произошло.

Ощущение было такое, как будто на вокзале остановились часы. Зрители и секунданты начали тревожно озираться. Дысин и Гарбузенко замерли, облокотившись друг на друга.

Главный судья Лев Епифанов крепко спал, положив голову на кипу судейских протоколов.

Прошло двадцать минут. Никто не решался побеспокоить главного судью. Секунданты и боковые судьи пошли в буфет пить пиво. Зрители занялись своими делами, штопали носки, пели вполголоса туристские песни, потом постепенно начали расходиться.

— Пора завязывать, старик,— сказал Гарбузенко своему партнеру.

— Давно пора.

— Знаешь, о чем я мечтаю, Аркадий? Я мечтаю приобрести диван-кровать и целый день на нем лежать.

— Это как стихи,— сказал Дысин.

— Стихи я тоже уважаю,— сказал Гарбузенко.

— Эх, Коля! — печально молвил Дысин и вздохнул.

От этого шума проснулся Лев Епифанов.

— Кто победил? — вяло спросил он.

— Да какая разница?— сказал Гарбузенко. Потом сел на краешек ковра и закурил.

— Ну вот еще,— забеспокоился Епифанов,— а что я корреспондентам скажу?

— Аркашка победил,— сказал Гарбузенко,—он красивый, пусть его фотографируют.

— Ты тоже симпатичный, — сказал Аркадий,— ты смуглый.

— В общем, ты судья, ты и решай,— произнес Гарбузенко, обращаясь к главному судье.

— Какой там судья!— махнул рукой Епифанов.— Бог вам судья, ребята.

— Идея! — воскликнул Дысин. Он попросил у Епифанова пятак и подкинул в воздух.

— Орел,— сказал Николай Гарбузенко.

— Решка,— поразмыслив, сказал Аркадий Дысин.

Монета опустилась на ковер.

— Победил Аркадий Дысин! — воскликнул главный судья Лев Епифанов.

Все трое, обнявшись, вышли из зала.

Через минуту из-за угла, покачиваясь, выехал трамвай. Друзья поднялись в вагон. Трое юношей, по виду студенты, уступили им места.

г. Ленинград.

Арк. АРКАНОВ

БЕСКОНЕЧНО ПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

В тот самый незабываемый понедельник Зябкин все решил окончательно.

Хватит выслушивать постоянные грубости со стороны начальника отдела!

Хватит делать вид, будто не замечаешь, как начальник отдела постоянно нарушает трудовую дисциплину, опаздывая на работу, появляясь в своем кабинете в нетрезвом виде!

Довольно попустительствовать тому, что жена начальника отдела использует служебную машину начальника отдела в служебное время в неслужебных целях!

Наконец, он, Зябкин, не мальчик на побегушках, чтобы лететь в обеденный перерыв на угол и притаскивать начальнику отдела мороженое в виде трубочки.

Надоело, черт побери! Надоело! Разоблачить! Разоблачить твердо, принципиально, не взирая на лицо начальника отдела!

«Прежде всего,— думал Зябкин, трясясь в автобусе по дороге на работу,— надо оперировать только фактами... Но не голыми фактами. Нет. Это неинтересно, а кроме того, грубо... Не говоря уже о том, что это просто опасно. Начальник отдела может заявить во всеуслышание, что за все услуги, которые оказывал ему Зябкин, он, начальник отдела, дважды отпускал Зябкина на пятнадцать минут раньше с работы и один раз в служебное время купался вместе с ним в плавательном бассейне... Да-а. Тут голыми фактами не возьмешь...».

Зябкин ехал, думал и придумал... Он насчитал тридцать пять неблаговидных поступков начальника отдела и решил вложить весь свой гнев, всю беспощадную принципиальность в это число.

Тридцать пять! Он сразу поймет, что я хочу ему сказать!.. Тридцать пять! Он поймет, с кем имеет дело!.. Тридцать пять! Знайте, что все ваши деяния у меня на ладони, начальник отдела!.. Тридцать пять! Я вам не мальчик, начальник отдела!.. Тридцать пять! Не на того нарвались, начальник отдела!.. Тридцать пять!..

В тот же понедельник, часов около одиннадцати, начальник отдела вызвал к себе Зябкина. Таким образом, все складывалось как нельзя лучше.

«Сейчас вы увидите! — сказал Зябкин мысленно сослуживцам.— Сейчас я ему покажу!»

Зябкин вошел в кабинет начальника отдела с гордо поднятой головой.

— Скажите, Зябкин,— твердо произнес начальник отдела,— сколько минут понадобится вам на то, чтобы съездить в зоомагазин? Там для меня оставлены свежие червяки к завтрашней рыбалке.

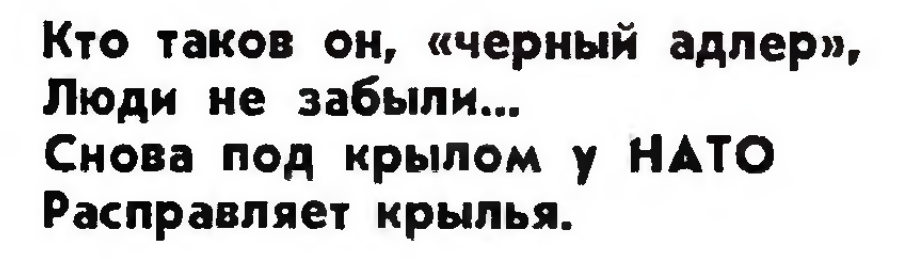
Зябкин набрал воздуха в легкие, метнул в начальника отдела дерзкий взгляд и крикнул смело:

— Тридцать пять!

— Прекрасно,— сказал начальник отдела.— Через тридцать пять минут я жду вас с червями.

Счастливый Зябкин бежал за червями, повторяя то и дело:

— Пусть знает теперь начальник отдела, что я о нем думаю!



Кто таков он, «черный адлер»,
Люди не забыли...
Снова под крылом у НАТО
Расправляет крылья.

Жаждет, сил набравшись в НАТО,
Вкрадчиво, без помпы,
Под свое крыло упрятать
Атомную бомбу.

Рисунок В. ДОБРОВОЛЬСКОГО



ВАШИНГТОН. Америнанский сенатор Янг получил письмо от одного из своих избирателей в штате Огайо:

«Можете лк вы, мистер сенатор, разъяснить мне следующие факты? Недавно я пожелал получить разрешение на ужение рыбы. Я обратился в соответствующее учреждение, где за 4,35 доллара мне выдали требуемое разрешение. Но предварительно меня обязали заполнить анкетный бланк, содержавший следующие вопросы: «Имя и фамилия, дата рождения, имена родителей, с какого времени проживаю в штате Огайо, с какого времени живу в США, профессия, цвет волос и глаз, рост, особые приметы».

Заполучив разрешение и вооружившись удочкой, я поймал несколько жалких рыбешек в отравленном химикалиями озерке.

Через несколько дней я решил купить револьвер. Продавец в магазине получил деньги, вручил оружие и сказал «благодарю». Вся покупка заняла у меня три минуты. Является ли удочка более грозным оружием, чем револьвер, мистер сенатор?»

Мы не знаем, что ответил сенатор. Возможно, он выхватил из ящика письменного стола свой револьвер и изрешетил письмо дорогого избирателя. Так или иначе, но на удочку какого-то не в меру дотошного правдоискателя он, конечно, не попался.

●

БОНН. Электронно-вычислительную машину в качестве автоматического судьи хочет применить в Федеративной республике кельнский профессор уголовного права Клуге. Но такая машина-судья в боннском государстве не имеет будущего: ведь у нее нет нацистского прошлого.

●

ЛОНДОН. «Если вы нервный и раздражительный, то заведите кошку,— советует британская организация кошатников.— Собака имеет тенденцию повышать вашу нервозность. Кошка же, несомненно, может сыграть важную роль в качестве фактора, успокаивающего нервы». А мистер Чарлз Бинни, секретарь собачьего клуба Великобритании, другого мнения: «Кошки — создания в высшей степени эгоистичные. И если вы нервный, то я бы порекомендовал вам взять лучше не кошку и не собаку, а отпуск».

Однако девальвация фунта лишает многих англичан возможности насладиться отпуском, и поэтому им все-таки остается лишь выбор между кошкой и собакой.

●

САЙГОН. Американское воинство приступило ко второй фазе отработки «Операции Клоп». В первоначальном своем виде эта операция провалилась, так как клопы, помещенные в специальные ящики с микрофонами, малость оплошали. Эти насекомые, как выяснилось, почуяв любимое лакомство, то бишь человека, издают радостные выкрики, которые можно усилить радиоаппаратурой. Патрулям выдали такие ящички и снабдили рациями. Но мыслители из Пентагона не учли, что клопы не разбираются в политике. Кровожадные насекомые начинали радостно шуметь, почуяв запах самих американских патрульных, несших ящики.

Больше года думали над усовершенствованием «Операции Клоп», и теперь предложен новый вариант. Ящички с клопами и звукоусилителями помещают на деревьях в нескольких десятках метров впереди расположения американских войск. Укрепив ящики, патрули должны удалиться и, настроив свои приемники, ждать сигналов от коллег-клопов. Последние по идее начнут неминуемо издавать голодные кличи при приближении партизан.

Наконец-то американские генералы получили достойных боевых соратников!

●

НЬЮ-ЙОРК. Гарри Ли Висслинг из города Анамоса, отбывающий в местной тюрьме двадцатилетний срок заключения, попросил перевести его в тюрьму Форт Медиссон. Мотивировка просьбы такова: «С Форт Медиссон меня связывают семейные чувства. Хочу отбывать срок наказания там, где когда-то отсидел свой пятнадцатилетний срок заключения мой отец».

ИСПОВЕДЬ ИМЕНИННИКА

Разрешите, сэр, я и вам плесну капельку виски. Как-никак у меня сегодня юбилей — 15 лет работаю в ЮСИА, американском информационном агентстве. Со дня основания...

Слышите, там, в зале, фанфары и аплодисменты — это шеф отчитывается на торжественном собрании. Естественно, он врет и приукрашивает, иначе конгресс не даст нам ни цента. А я уж здесь, внизу, в баре посижу — хватит того, что я произвожу и выслушиваю ложь в рабочее время, по долгу службы.

Извините, что я несколько шепелявлю. По причине травмированного языка. Во, поглядите. А-э-э-э. Видите, весь синий и в рубцах. Это я его прикусываю время от времени. А что делать, если я работаю в ЮСИА! Издержки производства. По этому поводу один наш бывший заместитель директора — Томас Соренсен — очень тонко подметил в своей книжке «Война слов — история американской пропаганды»: каждая новая вспышка расовых волнений в США, каждый новый успех Советского Союза, каждый новый провал Вашингтона на международной арене «заставляли представителей агентства и его официальный рупор — радиостанцию «Голос Америки» — прикусить язык».

Началось это в 53-м. Помнится, конгресс положил нам тогда оклад почти что сто миллионов долларов в год. Ну, деньги надо отрабатывать. Прибегаю я к Теодору Стрейберту, тогдашнему директору ЮСИА, с предложением:

— Давайте откроем за границей 200 пропагандистских центров под видом библиотек. В 90 странах. А?

— Отлично, мой дорогой, действуйте. Наша задача — накачивать в чужие мозги наши американские идеи.

Открыл я эти центры. Радость стекольщиков была неописуемой. Они получили постоянную работу. Каждая антиамериканская демонстрация, а их были сотни, кончалась булыжным залпом в окна наших библиотек.

Я иду к директору и говорю:

— Мистер Теодор Стрейберт, у меня есть новое предложение.

Он отвечает:

— Я вам не Теодор, а Артур, и не Стрейберт, а вовсе Ларсен. Стрейберт провалился. Но идеи мне нужны позарез. Выкладывайте.

— Ну хорошо, Ларсен так Ларсен. Давайте для подогрева любви к Штатам будем издавать за рубежом 80 газет и журналов, в том числе журнал «Америка» на русском языке. А?

— Гениально, родной мой! Дайте я вас поцелую. Я повышаю вам оклад. Мне удалось выдрать у конгресса 120 миллионов в год на нашу контору. Так что не скупитесь на расходы.

Я основал 80 газет и журналов. Вдобавок мои молодцы стали рассылать во все углы земного шара 2 миллиона книжонок и брошюрок в год на тему о том, как мы тут у себя дома пышно и ароматно процветаем.

Но читатели морщились, спрашивали: «Если у вас так хорошо, почему у вас так плохо? Почему у вас в Америке ночью нельзя носа высунуть на улицу? Почему ваш главный аргумент в политических спорах — винтовки с телескопическим прицелом? Почему войну с бедностью вы заменили войной с бедными? Почему у вас в Штатах столько живых мертвецов — наркоманов? Зачем вы залезли во Вьетнам? И вообще ваши дела говорят громче, чем ваши слова».

Я прикусил язык и замычал от боли. Я понял, что печатным словом этих скептиков не прошибешь. Необходимо какое-то дополнительное средство промывания мозгов. И у меня родилась идея, с которой я на рысях направился к шефу.

— Есть предложение, мистер Ларсен!

— Аллен, вы хотите сказать, Джордж Аллен. Ларсен снят с поста директора, как не оправдавший надежд. Тем не менее выпаливайте вашу идею. Я весь — большое и страждущее ухо. За деньгами дело не станет — я выхлопотал 146 миллионов в год на нужды ЮСИА.

Я посмотрел в потолок, чтобы собраться с мыслями, и начал:

— Так вот, мистер Аллен, я считаю, что...

— Вы ошиблись, меня зовут мистер Мэрроу.

Я ошалело взглянул на директорское кресло. Другой! Значит, Аллена сменили, пока я рассматривал потолок в кабинете. Вот это оперативность!

— Аллен не справился с работой,— сухо пояснил Мэрроу.— Он не обеспечил нам симпатий человечества. Так что у вас?

— Я предлагаю расширить радиослужбу. Пусть «Голос» вещает на 38 языках 850 часов в неделю, причем по крайней мере четвертую часть всех передач надо вести на языках Восточной Европы.

— Бесподобно! Конечно, я — за. Только учтите, что в 67-м году у Советов — пятидесятилетие. Попытайтесь омрачить им праздник. «Мы должны вести войну идей в лагере врага. Добраться до русских намного важнее, чем добраться до Луны». Знаете, кто это сказал? Помощник госсекретаря Бентон, и старик был дьявольски прав. Ну и, разумеется, постарайтесь вдолбить миру, особенно слаборазвитым, что завидовать России нечего. Наймите самых пройдошистых комментаторов. И не тряситесь над каждым центом. Конгресс отвалил нам на нужды очернения русской революции 170 миллионов. С богом!

И «Голос» взревел, залопотал, заверещал на 40 языках, поливая коммунизм жидкой радиогрязью...

Естественно, мы не забивали эфир только одной политикой. Пропаганду надо разжижать, разбавлять ее разной неполитической бытовщинкой, иначе слушателей стошнит через три минуты. Мы стали передавать на русском языке уроки английского языка, разъяснять смысл отдельных заковыристых английских выражений. Например, недавно наша дикторша сказала русским слушателям: «Понятен ли вам фигуральный смысл американской фразы: «Я знаю твой номер телефона»? В переносном смысле это выражение означает «узнать подноготную». Иначе говоря, «я тебя, голубчик, хорошо знаю, я тебя раскусил».

И что же вы думаете, приезжаю я вскоре в Россию под видом туриста и начинаю шляться по ресторанам и паркам, чтобы в беседе с русскими выяснить, как они относятся к передачам «Голоса». И первый же собеседник, узнав, что я из ЮСИА, говорит: «А-а, я ваш телефонный номер знаю. Насквозь вас, мошенников, вижу. Мы вас, голубчиков, раскусили». Я прикусил язык с такой силой, что меня отвезли на «Скорой» в ближайший московский госпиталь.

В Вашингтон я вернулся в полном отчаянии. Плетусь к шефу. Правда, во избежание конфуза заранее узнал, кто у нас новый шеф. Оказалось, действительно прежнего сменили и на троне восседает мистер Роуэн. Подхожу к дверям директорского кабинета и сталкиваюсь носом к носу с каким-то унылым субъектом, выходящим от шефа.

— Вы не знаете,— спрашиваю,— мистер Роуэн свободен?

— Как ветер,— отвечает мне унылый джентльмен.— Меня только что освободили, как несправившегося.

— Значит, вы и есть мистер Роуэн? А кто же нами теперь правит?

— Маркс.

— Карл?!! — В глазах у меня потемнело, и я упал в обморок на пушистый нейлоновый ковер.

Отставной директор прыснул мне в физиономию струей содовой из сифона и успокоил меня:

— Леонард Маркс. Однофамилец, но отнюдь не сторонник.

Я встал, утер физиономию, проскользнул в кабинет к мистеру Марксу и изложил ему новехонькую идею:

— Поскольку «Голос» недостаточно плотно забивает мозги слушателям, нам нужно срочно наладить выпуск телевизионных программ для распространения по всему свету. Предлагаю готовить в год 1 700 программ на 62 языках и рассылать их в 90 стран. Телепередача — это наглядно и убедительно, не то что радио...

— Не возражаю, мой ангел, не возражаю. Но сейчас главное — мосты. Наводите идеологические мосты между Западом и Востоком. Проникайте, размягчайте, разлагайте и отрывайте. Вам ясно? Мы должны выжать максимальный пропагандистский эффект из чехословацких событий. Нам для этой цели выделено 186 миллионов долларов. Действуйте.

И я пошел действовать.

Ну, что было дальше, вы знаете. Наш мост рухнул. Чехословакия осталась в социалистической системе. Москва и Прага подписали договор, а я прикусил себе язык с такой силой, что чуть не отправился к праотцам от потери крови. Язык до сих пор кровоточит. Вот взгляните на свежий рубец—а-э-э-э... Видели?

Ну, конечно, Леонарда Маркса поперли, а бюджет ЮСИА, как водится, увеличили. Но мне-то от этого не легче. Приходится дезинфицировать мой бедный язык в стакане с виски. Вам подлить?

Исповедь записал И. ЛОРИН



Посади янки за стол...

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

будьте любезны...

Галантерейный магазин. Стройная, изящная продавщица, повернувшись спиной к прилавку, увлеченно рассказывает другой продавщице:

— ...Я, конечно, делаю вид, что не обращаю на него никакого внимания. А он, не отрываясь, смотрит на меня, а глаза у него совсем, совсем карие...

Стоящий у прилавка покупатель проявляет в ожидании стоическое терпение и наконец, воспользовавшись паузой в рассказе продавщицы, произносит:

— Будьте любезны, мне, пожалуйста, носки.

Продавщица, не оборачиваясь к покупателю, поправляет прическу и наклоняется к другой продавщице, чтобы поведать ей самое сокровенное:

— И тут он мне сказал: «Вам очень идет это платье и эта прическа». А я ему спокойно-спокойно, выдержанно-выдержанно отвечаю: «Да, вы находите?..»

— Будьте любезны,— снова просит покупатель,— мне носки. Черные.

Изящная продавщица увлеченно продолжает свой рассказ:

— ...А он так искренне, восторженно воскликнул: «О да! Да! Очень идет!» А я...

— Будьте любезны,— теперь уже умоляюще говорит покупатель.

Не глядя на него, продавщица спрашивает:

— Вам чего?

— Мне нужны носки. Черные,— отвечает покупатель.

— Носки. Черные,— сумрачно повторяет продавщица, но затем она просветленно улыбается и восторженно говорит подруге:

— Понимаешь, Аллочка, он такой, такой симпатичный, и скромный, и воспитанный... и он застенчиво-застенчиво меня спросил: «Когда мы увидимся?» А я так вот, прищурив глаза, посмотрела на него и...

— Будьте любезны,— снова говорит покупатель.

— Чего вам? — сердито спрашивает продавщица.

— Мне, пожалуйста, носки. Черные. Под цвет костюма.

— Какой размер?

— Ботинки я ношу сорок третьего размера...

— Вы что, не видите, что таких размеров нет?! Сколько можно говорить! И чего пристал!

Продавщица повернулась, вскинула на покупателя налитые гневом красивые глаза и обомлела.

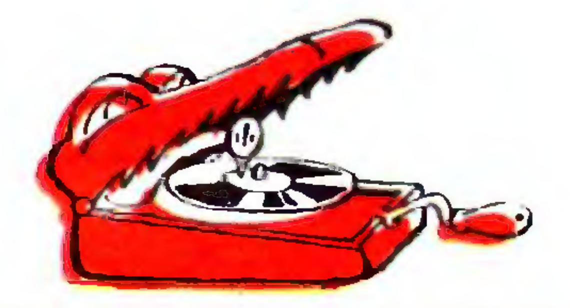
— Это... вы... Это вы?! — наконец произнесла она.

Покупатель грустно улыбнулся и печально ответил:

— Да. Это был я... Прощайте...

Он поклонился и медленно вышел из магазина.

А. ЧИКАРЬКОВ

КРОКОДИЛЬСКИЕ  ГРАМПЛАСТИНКИ

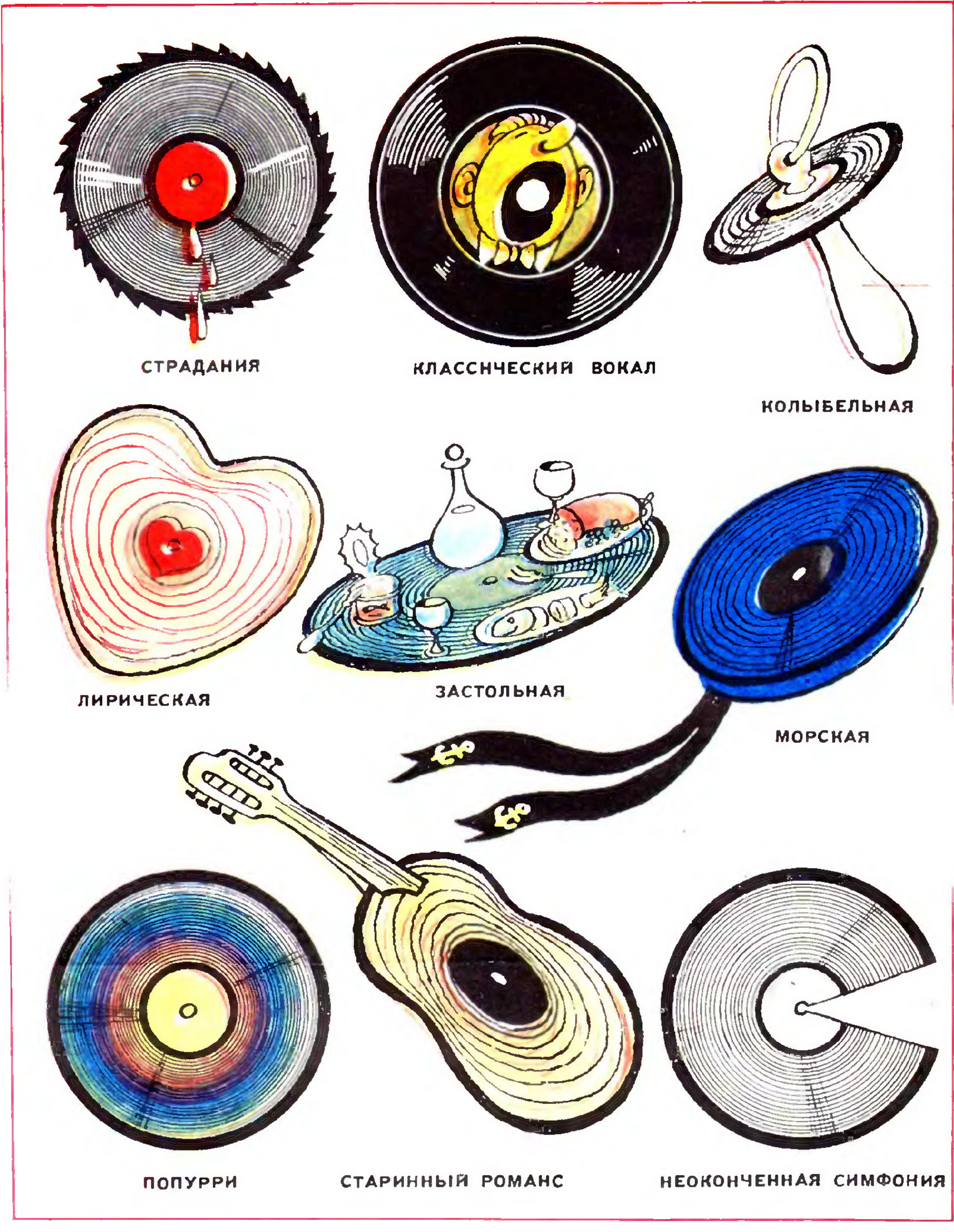


Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

ЗА ШИРОКОЙ СПИНОЙ

— Нет лишнего билетика? Билетика нет? Билетика...

Как приятно с билетом в кармане идти под завистливыми взглядами театралов-неудачников!..

Усаживаюсь в середине первого ряда партера. В зале постепенно темнеет. (Нет ничего блаженней этих минут!)

Отзвучала увертюра. Занавес пополз вверх. И взгляду зрителей предстал дом старушки Лариной. Сама старушка сидела у дома и вместе с нянькой варила варенье, консервировала фрукты и протирала с сахаром черную смородину.

В этот момент рядом со мной уселся молодой человек баскетбольного роста с пловцовскими плечищами. На его борцовской шее висело три фотоаппарата, которые он незамедлительно начал готовить к работе. Что-то крутил. Чем-то щелкал. Словом, возился, гремя аппаратурой, мешая слушать музыку своим соседям. Дирижер укоризненно погрозил ему пальцем. Ударник, не поняв этого жеста, бухнул в турецкий барабан. Старушка Ларина выронила ложку и опрокинула бутафорское варенье, а нянька, выразительно пощелкав пальцем по шее, дала хозяйке понять, что ударник пьян.

После этого молодой человек затих на некоторое время. Когда зал, сцена и оркестр успокоились, он встал и нацелился одним из аппаратов на старушку Ларину.

— Хр-р-р-яп! — раздалось из аппарата.

Старушка опасливо покосилась на молодого человека.

Меняя точку съемки, он сделал шаг влево. Свою футболистскую ножищу он поставил на мою неспортивную ногу. От страшной боли я вскрикнул, отчего все на сцене повернулись в мою сторону, а не в сторону вошедших Онегина и Ленского.

Я снял ботинок и ощупал отдавленную ногу. Кости как будто бы были целы. Весь антракт я сидел на своем месте и приводил в порядок нервную систему. Опасный сосед исчез.

Вернулся он, когда занавес уже был поднят, и сразу: хряп! Потом переменил позицию и снова: хряп!

Он ходил взад и вперед между зрителями и сценой, заслоняя происходящее на подмостках. И все время одним аппаратом «хряпал», другим «хрупал», будто откусывал вафлю, а третьим шипел, словно гремучая во сто жал змея.

Когда Татьяна завела разговор с любимой няней о любви, была ночь. Молодого человека это не смутило, и он переключился на фотоаппарат, оборудованный вспышкой.

Теперь он нахально светил в глаза то няне, то Татьяне, и они пели, крепко зажмурившись.

Наконец, на сцене рассвело. Вот уже Онегин прочел письмо, написанное Татьяной. Он приехал к ней, чтобы открыть ей глаза. Помните: «Вы мне писали, не отпирайтесь...» и т. д. Короче говоря, я не видел и не слышал этой сцены.

Сосед, стремясь не прозевать красивый кадр, вскочил.... и тут что-то со звоном полетело на пол.

— Бленда упала! — буркнул он и, опустившись на четвереньки, пополз, наступая боксерскими ручищами на ноги зрителей.

Молодой человек ползал туда и сюда, шаря по полу, но так ничего и не нашел.

Некоторое время он сидел на месте, не вскакивал и не «хряпал» аппаратами, а только вздыхал и ругался в треть голоса. Переживал.

Зрители были довольны. Правда, когда Онегин и Ленский начали ссориться, молодой человек заметался.

— Хруп! Х-р-р! — заработал он, заслоняя широкой спиной сцену.

Дуэль молодой человек почти не снимал. Все бы кончилось благополучно для Онегина и зрителей, если бы в момент, когда по команде секундантов противники стали сходиться, не случилось аварии с одним из аппаратов. Видимо, по причине замыкания лампочка на мгновение вспыхнула и с громким треском лопнула. Ленский рухнул, как подкошенный.

Онегин быстро вскинул пистолет и выстрелил в фотокорреспондента ненастоящим зарядом. Молодой человек всплеснул руками, под смех зрителей и секундантов плюхнулся мне на колени.

Когда Онегин вернулся из круиза вокруг Европы и, как Чацкий, попал с корабля на бал, молодому человеку пришлось побегать. Народищу на балу было видимо-невидимо, и всех ему надо снять. То там — хруп! То там...

Увлекшись, он громко крикнул испанскому послу:

— Отойди, старик, из-за тебя, кроме малинового берета, ничего не видно!

* * *

Единственное, что меня утешило после этого кошмарного спектакля,— это журнал «Винты и шурупы», который я случайно прочел в парикмахерской через полгода. В этом журнале был напечатан снимок одной из сцен оперы, и я увидел хоть что-то из того, что мне заслонила широкая спина фотокорреспондента.

Е. ГУРОВ

ПРОСТО АНЕКДОТ



Дедушка спит в кресле, громко посвистывая носом. Внук вертит пуговицы на его пиджаке.

— Что ты делаешь? — спрашивает бабушка.

— Хочу поймать другую станцию.

●

В кондитерском магазине покупатель протягивает чек:

— Пять склерозов, пожалуйста, с заварным кремом.

— Таких пирожных нет, гражданин.

— Но я же вчера у вас покупал три склероза по двадцать две копейки.

— А я повторяю, таких пирожных нет. Вспомните правильное название.

— Вспомните, вспомните... С моим эклером разве что-нибудь вспомнишь!

●

Врач:

— Вам предписано потеплее укрыться и лежать, а вы целый день ходите по магазинам.

Пациент:

— Ищу одеяло.

●

Обозленный клиент подзывает официанта:

— Почему так долго не несете шашлык?

Официант прикладывает платок к глазам:

— Барана жалко.

●

Профессор математики:

— Да, друзья мои, в человеческой жизни бывают поразительные совпадения... Если я, например, умножу дату своего рождения на номер моего телефона, а от произведения отниму возраст своей тещи, то в остатке получится номер моего дома.

●

— Принесите мне порцию орфографических ошибок.

— Извините, сэр, но у нас в ресторане нет ничего подобного.

— А почему же тогда их столько в меню?

●

Муж обращается к жене:

— Настал час, когда мы должны объяснить нашему сыну тайну деторождения. Сначала мы объясним ему, как размножаются птицы.

— Мне не хотелось бы начинать с птиц, — говорит мама.

— Хорошо, мы начнем с того, как размножаются пчелы.

— Тоже нет.

— Тогда, может быть, начнем с цветов?

— Хорошая мысль, но, чтобы не испортить нашего Алика, лучше начать с бумажных цветов.

●

ПРИОБРЕТАЙТЕ



САМОВАРЫ

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА к М. СКОБЕЛЕВА

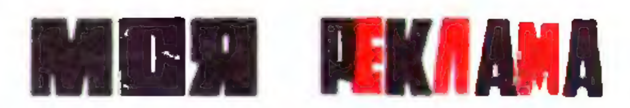


Рисунок А. ГРУНИНА

ПОКУПАЙТЕ



СУШКИ

Александр РАСКИН

СЕРВИС



То было в дни последние апреля...
Звонок раздался утром, очень робкий.
Я дверь открыл и двух увидел женщин.
Одна из них большой мешок держала.
Другая речь держала небольшую:
«Прошу вас, извините, бога ради,
Мы из химчистки вашего района,
Вы извините нас за беспокойство,
Но если вещи есть у вас такие,
Которые почистить вы хотите,
Мы их возьмем, на месте все оформим,
Почистим срочно, точно, аккуратно
И вас попросим лишь зайти за ними.
Простите, если мы вам помешали...»
Она умолкла. И, сказать по правде,
Я тоже слов не находил. Я думал,
Что вот оно пришло, настало время
Обслуживанья самой высшей марки,
Вот сервис, о котором мы мечтали
И за который некогда боролся
Редактор мой и шеф Петров Евгений.
Мгновенно вся квартира оживилась:
Кто кофту нес, кто брюки, кто пижаму,
Потом пошли плащи, демисезоны,
И лыжные костюмы, и купальник,
А внучка по прозванию Анюта
Поспешно куклу принесла и мячик...
Все принимали женщины охотно,
Зачем-то говорили нам: «Спасибо»,
Дуэтом повторяя: «Извините».
Когда же свой мешок они набили,
Связали все и деньги получили,
Квитанции нам выдали на месте,
Решили мы, что так и дальше будет:
Для нас теперь химчистка
не проблема —
Ведь сервис принял нас в свои объятья!
И дружно мы судьбу благословили.
Тут женщины сказали нам, прощаясь:
«Еще раз просим, нас вы извините,
Простите нас за это беспокойство,
Но план у нас горит, вот мы и ходим
И причиняем людям беспокойство».
...С тех пор прошло уж времени немало,
Нам снова надобно почистить вещи.
Химчистка нас теперь не навещает,
И мы печально говорим друг другу:
«Наверно, с планом все у них
в порядке».

НАРОЧНО НЕ

Кинотеатр «Родина»

с 15 декабря демонстрирует новый художественный широкоэкранный фильм

«Золотой теленок»

по роману Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев», производство студии «Мосфильм».

(Газета «Северный рабочий».)

г. Северодвинск.

«Входной билет в баню для детей от 0,75 м до 1 метра — 13 коп., за двоих детей до 0,75 м — 13 коп.»

Прислал Б. БУБЕР.

г. Ступино.

«Под руководством опытного тренера Тамара Стаселько начала бегать от соревнований к соревнованиям все быстрее и быстрее».

(Газета «Физкультурник Белоруссии».)

По тому же поводу

О ДЕЛАХ ГАСТРОЛЬНЫХ

Ознакомившись с тем, как в минувшем году проходили гастрольные поездки ряда драматических и музыкальных театров страны, В. Сухаревич изложил свои соображения в фельетоне-обозрении («Крокодил» № 31 за ноябрь 1968 г.). В фельетоне разбирались итоги гастролей Хмельницкого музыкально-драматического украинского театра и Московского театра миниатюр в Оренбурге, а также Молдавского музыкально-драматического театра имени Пушкина и Ярославского академического театра имени Федора Волкова в Ленинграде.

По мнению начальника управления культуры Ленгорсовета А. Витоль, «Крокодил» правильно поставил вопрос о повышении ответственности театральных коллективов за гастрольные поездки. «Иногда театры,— пишет тов. Витоль,— не рассчитывают свои силы и приезжают с недостаточно оригинальным репертуаром или выступают на невысоком художественном уровне. Так получилось с Молдавским музыкально-драматическим театром имени Пушкина».

Значительно выше оценивая подготовку и гастролям Ярославского театра имени Волкова, тов. Витоль вместе с тем отмечает, что «художественный стиль и манера постановки ряда спектаклей не встретили большого признания зрителей, а ленинградская пресса высказала по ряду спектаклей и серьезные замечания».

Написал в «Крокодил» и начальник Управления театров Министерства культуры РСФСР Б. Сорокин. Он тоже считает, что журнал «Крокодил» «правильно указал на определенные недостатки, которые, к сожалению, все еще имеют место в практике планирования и организации гастролей театров».

«Полностью разделяя многие правильно высказанные замечания о недостатках в гастрольной работе театров Российской Федерации,— пишет тов. Сорокин,— Управление театров примет все необходимые меры к их ликвидации».

Признавая, что в Ярославском театре имени Волкова «есть свои творческие срывы, неудачные спектакли» и что гастроли его в Ленинграде «прошли не очень успешно», тов. Сорокин вместе с тем не соглашается с «тоном и формой подачи материала, которые позволил себе автор в разговоре о Ярославском драматическом театре», так как у этого театра, как и у его главного режиссера народного артиста СССР Ф. Е. Шишигина, есть свои заслуги.

Автор фельетона, конечно, ни в коей мере не желал перечеркивать эти заслуги. Однако, говоря о гастрольных спектаклях Ярославского театра — таких, например, как «Панфиловцы» и «Федор Волков»,— он игнорировал положительные отзывы общественности и рецензентов ленинградских газет, сделав в фельетоне акцент только на их критических замечаниях.

Редакция «Крокодила» указала автору фельетона на несерьезный подход к оценке спектаклей Ярославского театра.

ПРИДУМАЕШЬ

САКСКОМУ ГОРКОМХОЗУ
требуется на постоянную работу
смотритель кладбища.
Квартира предоставляется по месту работы.
АДМИНИСТРАЦИЯ.

(Газета «Красное Знамя».)
г. Саки.

«Наличие 28 петухов на ПТФ, по существу, не влияет на диетичность яиц».

(Из акта.)
Прислал Е. ПОЛОЗОВ.
ст. Выселки.
Краснодарского края.

«Особо отличившихся рабочих администрация будет подвергать премиям».

(Из выступления.)
Записал А. ШИНДАРИКОВ.
г. Славгород.
Алтайского края.

Николай Евгеньевич МУРАТОВ —

карикатурист, плакатист, иллюстратор, организатор ленинградского «Боевого Карандаша».

К 60-летию со дня рождения



Дружеский шарж Вл. ГАЛЬБА



— Может быть, присядем на эту скамейку?

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

КРОКОДИЛ

№ 2 (1904)

ГОД ИЗДАНИЯ СОРОК СЕДЬМОЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»



Темы рисунков этого номера придумали: М. Битный, М. Вайсборд, А. Грунин, В. Жаринов, С. Кузьмин, Н. Скрипников, В. Тильман, Ю. Федоров, Ю. Черепанов.



ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 00005.
Подписано к печати 9/I 1969 г.
Формат бумаги 70×108¹/₈.
Объем 2,80 усл. печ. л.
4,54 уч.-изд. л.
Тираж 5 100 000 экз.
(1-й завод: 1—4 339 350).
Изд. № 163.
Заказ № 26.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47.
ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448



Общими усилиями

Рисунок **КУКРЫНИКСЫ**